

Ника Мур — Хирург моей души

Ника Мур

Хирург моей души.
Верните мне сына,
барон!

попаданцы

Ника Мур

Хирург моей души.

Верните мне сына, барон!

<https://litres.ru/74469239>

Аннотация

— Вон из операционной, маркиза! — голос Генри звенел от ледяной ярости. — Здесь кровь, вонь и смерть, а не ваши бальные танцы. Уходите, пока не упали в обморок...

Пять лет назад синяя воронка поглотила мою жизнь — мужа-хирурга и двадцатилетнего сына. Мне никто не верил. Психиатры ставили диагнозы, а белые стены клиники стали моей тюрьмой. Но я знала: они живы. Я чувствовала это каждым ударом сердца.

Смерть в нашем мире стала моим вторым шансом. Я очнулась в теле юной маркизы, отданной на растерзание властному старику. Но здесь, в этом суровом средневековье, гремит слава о «Бароне-Мяснике», который творит медицинские чудеса и не боится крови.

Генри? Мой Генри здесь! Он стал суровым бароном фон Шталем. Он — гений скальпеля, чьи руки помнят каждое движение. Но когда мы встретились, в его глазах я увидела лишь лед и презрение. Для него я — избалованная кукла старого врага. Он не узнал меня.

В тексте: Попаданка в тело молодой маркизы (но с мозгами опытного парапсихолога 45 лет); Властный и циничный хирург, который разуверился в чудесах; Встреча через годы и миры: от ненависти и подозрений до безумной страсти; Медицинские будни в антураже фэнтези: операции, интриги, борьба с невежеством; Общая тайна и поиск сына; Хэппи-энд, выстраданный и заслуженный!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3(Прохор/ Генри)	24
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6(Прохор/Генри)	51
Глава 7	60
Глава 8	68
Глава 9(/Прохор/Генри)	76
Глава 10	87
Глава 11(Прохор/Генри)	96
Глава 12	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Глава 1

Смерть пахла не ладаном и не сырой землей. Она пахла хлорированной известью, казенным мылом и безнадежностью белых стен, которые за пять лет стали моей личной вселенной.

Я лежала, глядя в серый потолок палаты, и слушала ритмичный шерох аппарата ИВЛ. Вдох — механический мех раздувает легкие. Выдох — пластмассовый клапан выпускает остатки жизни. Врачи называли мое состояние «реактивным психозом с элементами кататонии». Для них я была сумасшедшей Кларой, которая потеряла рассудок в той аварии.

Но я-то знала правду.

Пять лет назад на том перекрестке я видела, как синяя воронка, похожая на пульсирующий зрачок самого космоса, сожрала нашу машину. Она не просто раздавила металл — она всосала в себя Прохора и нашего Семёна. Я видела их вытянутые в ужасе лица за мгновение до того, как реальность схлопнулась. Я выжила, чтобы каждый божий день доказывать санитарам: они не погибли. Они там. Ждут. Ищут выход.

Мое сердце, изношенное ожиданием и транквилизаторами, вздрогнуло. словно внутри натянулась тонкая струна и, наконец, лопнула с сухим, почти неслышным звоном.

— Ну вот и всё, — прошептала я одними губами.

Ритм на мониторе сбился. Длинный, тонкий писк полоснул по ушам. Перед глазами поплыли те самые синие искры — предвестники шторма, который я ждала слишком долго. Тьма навалилась мягко, как ватное одеяло, а потом... потом меня вывернуло наизнанку.

Я рванулась вверх, жадно хватая ртом воздух. Горло обожгло холодом, легкие расправились с такой силой, что в груди хрустнуло.

Это был не морг. И не палата.

На меня давил тяжелый, расшитый золотыми нитями балдахин. Воздух вокруг был густым, пахнущим старым камнем, воском и чем-то приторно-сладким, вызывающим мгновенную тошноту. В голове гудело, словно по черепу били чугунным молотом.

— Госпожа... Госпожа Каталинабель! Она дышит! Хвала Пресветлому, она дышит!

Голос был тонким, девчоночьим, пропитанным чистым, неразбавленным страхом. Я повернула голову — шея отозвалась резкой болью — и увидела девчушку в чепце и сером платье из грубого полотна. Она сжимала в руках таз с водой, и её глаза на бледном лице казались двумя площадками.

Я попыталась опереться на руки, чтобы сесть, и замерла, глядя на свои ладони.

Это были не мои руки.

Мои были сухими, с сеточкой морщин и выступающими венами — руки сорокапятилетней женщины, пережившей

ад. Эти же... тонкие, с безупречно белой, почти прозрачной кожей, длинными пальцами и розовыми ноготками. Руки скрипачки или изнеженной аристократки.

Я медленно перевела взгляд на свою грудь, прикрытую тончайшим шелком сорочки. Юное, крепкое тело. Мне снова было около двадцати пяти.

«Синяя воронка не убивает, — пронеслось в голове холодным, рассудительным лейтмотивом. — Она переносит. Значит, я не сошла с ума. Значит, Семен и Прохор тоже получили новые тела?»

Дверь спальни распахнулась с тяжелым, властным стуком. По каменному полу зашаркали шаги — медленные, размеренные, от которых по коже пробежал мороз.

— Выйди, Марта, — проскрежетал голос, похожий на звук ржавой пилы.

Служанка пискнула, поклонилась так низко, что едва не перевернула таз, и пулей выскочила из комнаты.

В спальню вошел он. Маркиз Филипп д'Орсе. Я узнала его имя мгновенно по памяти прежней владелице тела — оно просто всплыло в моей памяти вместе с чужими обрывками чувств: липким ужасом, одышкой и ощущением полной беспомощности.

Ему было за семьдесят. Пергаментная кожа, обтягивающая череп, редкие седые пряди и глаза — бесцветные, как застоявшаяся вода в луже, в которых не было ни капли сострадания. Он был одет в черный бархатный камзол, расши-

тый тусклым серебром, и от него пахло тленом и дорогими притираниями.

Но я видела больше. Мой дар парапсихолога, который в Москве считали шизофренией, здесь развернулся во всю мощь. Над маркизом колыхалось серое, грязное марево. От его груди к моей кровати тянулись тонкие, едва заметные щупальца ауры — присоски энергетического паразита.

Этот старик не просто был моим мужем. Он буквально выпивал жизнь из этой девочки, Каталины

— Очнулась, — Филипп подошел к кровати, и я почувствовала, как воздух вокруг него становится ледяным. — Ты напугала моих врачей, дорогая. Они уже собирались заказывать заупокойную мессу.

Он протянул свою костлявую руку к моему лицу. Его пальцы напоминали лапы паука. Раньше Каталина зажмурилась бы и задрожала, позволяя ему тянуть из неё силы.

Но я — не Каталина. Я — женщина, которая пять лет провела среди тех, кто воображал себя Наполеонами и богами. Меня не напугать дряхлым стариком.

Я резко, по-мужски жестко перехватила его запястье.

Пальцы маркиза были холодными, как у трупа. Он замер. В его блеклых глазах промелькнуло изумление, сменившееся яростным недоумением.

— Вы сегодня не в духе, маркиз, — сказала я. Мой голос прозвучал непривычно высоко и нежно, но интонации были моими — спокойными, профессиональными, какими я ко-

гда-то ставила на место буйных пациентов. — И ваша рука слишком холодна. Вам стоит позаботиться о своем кровообращении, а не дежурить у моей постели.

Филипп медленно вытянул руку из моей хватки. Его ноздри раздулись. Серый туман вокруг него заколыхался, выбрасывая шипы.

— Ты ведешь себя странно, — прошипел он. — Смерть изменила твой нрав? Не забывайся, Каталина. Ты — моя жена. Моя собственность, и я не потерплю истерик. Тебе еще предстоит отработать сегодняшний приступ.

— Отработать? — я приподняла бровь, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. — Я только что вернулась с того света, Филипп и я Вам советую оставить меня в покое. Мне нужно выспаться. И... велите подать мне нормальной еды, а не той дряни, которой пахнет из этой склянки на столике.

Я указала на небольшой флакон из синего стекла, стоявший рядом с кроватью. Маркиз сузил глаза.

— Это твоё лекарство. Оно поддерживает твоё сердце.

— Это лекарство убивает моё сердце, — отрезала я, глядя ему прямо в зрачки. — Я чувствую его состав даже на расстоянии. Больше я его не приму. А теперь — вон. Мне нужен отдых.

Филипп застыл, словно его ударили наотмашь. В этом мире, судя по всему, женщины не выставляли мужей из спальни. Тем более такие «хрупкие фиалки», как прежняя владе-

лица этого тела.

Он молчал долго, и я видела, как в его голове крутятся тяжелые, ржавые шестеренки. Он не чувствовал во мне прежней жертвы. Он чувствовал силу, которую не мог объяснить.

— Мы продолжим этот разговор завтра, — наконец произнес он, кривя тонкие губы. — Надеюсь, к утру твое безумие пройдет. Иначе мне придется вызвать экзорциста. Или лекаря из Ордена Чистоты.

Он развернулся и вышел, не оглядываясь. Дверь захлопнулась с тяжелым стоном.

Я осталась одна. Тишина в комнате стала осязаемой. Я медленно спустила ноги с кровати. Пол был ледяным, но это ощущение реальности приносило странное удовольствие.

Я дошла до высокого, в человеческий рост, зеркала в тяжелой бронзовой раме. Из глубины амальгамы на меня смотрела незнакомка. Золотистые волосы разметались по плечам, огромные карие глаза на бледном лице казались почти черными. Красивая. Слишком красивая для этого склепа, который назывался замком д'Орсе.

Но взгляд... Взгляд был моим. Взрослым. Понимающим.

Я подошла к прикроватному столику и взяла ту самую синюю склянку. Откупорила пробку. В нос ударил резкий, металлический запах с нотками горького миндаля и сонной одури.

Как парапсихолог, я всегда чувствовала энергетику вещей. Как жена кардиолога, я за годы жизни с Прохором

научилась разбираться в препаратах не хуже медсестры.

— Наперстянка, — прошептала я. — В огромной дозе. С примесью белладонны.

Они не лечили её. Они держали её в состоянии постоянной аритмии и полусознательного транса, чтобы маркизу было легче сосать её энергию. Каталинабель не умерла сама. Её медленно доводили до остановки сердца.

Я вылила содержимое склянки в кадку с какой-то чахлой пальмой в углу.

— Ну уж нет, господа, — я вытерла руки о край простыни. — Теперь в этом теле живу я. А я привыкла бороться за свою жизнь.

Я легла обратно, чувствуя, как новое, молодое тело требует сна. Где-то там, за этими каменными стенами, под этим чужим небом, были Прохор и Семен. Я знала это каждой клеткой. Пять лет назад они ушли в синюю воронку, и если судьба забросила меня сюда, значит, Прохор уже проторил дорогу.

«Прош... — я закрыла глаза. — Слышишь меня? Я здесь. Я нашла тебя. Осталось только дотянуться».

За окном завывал ветер, царапая ветками старых деревьев по стеклу, но мне не было страшно. Впервые за пять лет я не была заперта в белой палате. Я была свободна. И у меня было то, чего не было у этого мира — знания будущего и воля женщины, которой больше нечего терять.

Первая битва была выиграна. Но война за мою семью

только начиналась. И если ради этого мне придется вскрыть этот мир, как гнойный абсцесс, — я сделаю это без колебаний.

Засыпая, я увидела перед глазами его лицо — сосредоточенное, в хирургической маске, и глаза, в которых всегда светилась жизнь.

— Жди меня, — прошептала я тьме. — Я иду.

Глава 2

Солнце в Эдельгарде не ласкало — оно пробивалось сквозь узкие, похожие на бойницы окна замка д'Орсе холодными, пыльными иглами. Я открыла глаза и впервые за пять лет не почувствовала в голове ваты. Мысли были острыми, как свежезаточенный инструмент.

Отсутствие яда в крови творило чудеса. Мое новое, двадцатипятилетнее сердце билось ровно, без той чечетки, которую навязывала ему наперстянка. Я приподнялась на локтях, разглядывая свою спальню при дневном свете. Роскошь здесь была тяжелой и давящей: стены, затянутые темно-синим гобеленом с изображением сцен охоты, где гончие рвали плоть оленя; массивный шкаф с резными химерами на дверцах; и этот запах — застарелый дух воска, сырости и дорогих, приторных благовоний, которыми маркиз пытался заглушить запах собственного увядания.

Я откинула тяжелое одеяло и встала. Босые ступни коснулись холодного камня, и по телу пробежала волна бодрости. В зеркале я снова увидела Каталинабель. Золотые волосы путались на плечах, белая сорочка подчеркивала изящные изгибы. Красивая. Но в зеркале была не только она. В глубине зрачков мерцала сорокапятилетняя Клара, которая в Москве вытягивала людей из глубочайших депрессий. Там, в прошлой жизни, я учила пациентов брать ответственность

за каждый свой вдох. Пора было последовать собственному совету.

Дверь тихо скрипнула, и в комнату бочком проскользнула Марта. Увидев меня стоящей у окна, она едва не выронила стопку свежих простыней.

— Госпожа? Вы... вы встали? Ох, Пресветлый, вам же нельзя! Маркиз велел, чтобы вы лежали до прихода лекаря!

Я повернулась к ней. Марта была совсем юной, не старше восемнадцати, с веснушками, рассыпанными по переносице, и вечным испугом в глазах. Над её головой я видела ауру нежно-лимонного цвета — цвет преданности, смешанной с животным страхом.

— Марта, — мой голос прозвучал спокойно, но в нем лязгнула сталь, которой раньше у этой девочки не было. — Открой окна. В этой комнате пахнет склепом. И приготовь мне платье. Не то серое, в котором я похожа на побитую моль, а синее, с высокой талией.

— Но госпожа... — Марта замялась, комкая в руках простыню. — Мадам Агнесса сказала, что вам нужно принять капли и оставаться в тени. Она говорит, солнце вредит вашей крови.

— Солнце вредит только плесени, Марта. А я — не гриб на стене. Открывай.

Девчонка вздрогнула и кинулась к окнам. Тяжелые засовы поддались не сразу, но когда створки распахнулись, в комнату ворвался свежий ветер, пахнувший хвоей и свободой. Я

глубоко вздохнула. Это был вкус жизни, которой меня лишили в клинике.

Шнуровка корсета оказалась тем еще испытанием. Марта дрожащими пальцами затягивала ленты, а я рассматривала себя в зеркале, привыкая к весу тяжелой юбки. Каждое движение отдавалось в мышцах забытой гибкостью.

— Расскажи мне, Марта, — я старалась говорить непринужденно, пока она расчесывала мои волосы. — Что говорят в замке? О чем шепчутся слуги на кухне?

— Ох, госпожа, о чем только не болтают... — Марта загнулась, поймав мой взгляд в зеркале. — Говорят, что вы вчера дали отпор маркизу. Мадам Агнесса была сама не своя, всё утро кричала на поварят. Говорят, вы... изменились. Будто вас подменили в тот час, когда сердце ваше замерло.

— Люди всегда боятся того, чего не понимают, — я слегка улыбнулась. — Что еще? Какие вести из столицы? Или от наших соседей?

Марта замялась, но любопытство и желание угодить новой, пугающей хозяйке взяли верх.

— Поговаривают, на севере беспокойно. Орден Чистоты сжигает всё больше книг. Но люди всё равно едут в баронство Шталь. Там... там творятся странные дела, госпожа.

У меня внутри всё натянулось, как струна.

— Баронство Шталь? — я заставила себя сохранить маску

безразличия. — И чем же оно знаменито?

— Тамошним хозяином. Его называют «Бароном-Мясником». Говорят, он лечит людей железом и огнем. Сама кухарка рассказывала, будто он вспорол живот одному фермеру, вытащил оттуда злую опухоль, а потом зашил кожу шелковой нитью. И фермер выжил! Молится на барона теперь. Церковники в ярости, называют это чернокнижием, но сам Король запретил их трогать. Барон Генри фон Шталь пять лет назад спас наследного принца, когда тот истекал кровью после охоты.

Пять лет. Пять чертовых лет он здесь.

Сердце кольнуло — не от яда, а от острой, пронзительной нежности и боли. Генри. Мой Прохор, хирург от Бога, не смог просто пасти овец. Он остался собой даже в этом варварском мире.

— Барон фон Шталь... — повторила я, пробуя имя на вкус. Оно звучало солидно, твердо. — Должно быть, он очень одинокий человек, раз занимается такими делами.

— О нем разное говорят, — Марта понизила голос до шепота. — Будто он ищет кого-то. Спрашивает у всех странников о женщине с золотыми волосами, которая знает «тайные слова сердца». Но ведь это просто сказки, верно?

Я не ответила. Ком в горле мешал дышать. Я заставила себя встать и выйти из спальни. Мне нужно было остыть, иначе я выдала бы себя перед первым же встречным.

Замок д'Орсе был типичным порождением своего времени — холодным, мрачным и функциональным. Коридоры, выложенные серым камнем, освещались редкими факелами, чья копоть осела на сводах. На повороте к лестнице я столкнулась с мадам Агнессой.

Экономка была женщиной лет пятидесяти, сухой и прямой, как палка, которую проглотила в детстве. Её платье было застегнуто на все пуговицы, а связка ключей на поясе звенела при каждом шаге, словно кандалы. Её аура была цвета застоявшегося болота — зависть, приправленная фанатичной преданностью маркизу.

— Маркиза? — она замерла, её тонкие брови поползли вверх. — Куда вы направляетесь? Лекарь будет через час. Вам предписан покой. Вы не выпили свои капли.

Я остановилась в шаге от неё. Я была выше этой женщины, и сейчас, в этом молодом теле, я ощущала свое превосходство почти физически.

— Мадам Агнесса, — я сделала паузу, давая тишине надавить на неё. — Я направляюсь в библиотеку. И если я еще раз услышу в своем доме слово «предписано», адресованное мне, вы отправитесь проверять предписания для кухонных девок. Вы меня поняли?

Агнесса побледнела. Её губы сжались в узкую щелку.

— Маркиз будет недоволен... — начала она, но я перебила её, сделав шаг вперед, в её личное пространство.

— Маркиз недоволен тем, что в углах этой галереи скопилась пыль. Посмотрите, — я провела пальцем по выступу стены и продемонстрировала ей серый налет. — Займитесь делом, Агнесса. Мое здоровье теперь — моя забота.

Я прошла мимо неё, чувствуя на спине её ненавидящий взгляд. Но мне было плевать. Психиатрическая клиника научила меня одной важной вещи: если ты даешь слабину перед надзирателем, ты проиграл.

Библиотека встретила меня запахом старого пергамента и пыли. Огромные стеллажи уходили под самый потолок. Маркиз Филипп любил книги, но любил их как коллекционер, а не как читатель. Я лихорадочно искала карты и медицинские трактаты.

Карта Королевства Эдельгард была нарисована на огромном куске выделанной кожи. Я долго водила пальцем по извилистым линиям рек и пятнам лесов. Наш замок стоял на юго-западе. Баронство Шталь — далеко на севере, у самого подножия Серых гор. Нас разделяли сотни миль. Для этого мира — целая жизнь.

Я открыла один из медицинских манускриптов и едва не вскрикнула от возмущения. На полях были зарисовки: кровопускание для лечения горячки, прикладывание сушеного навоза к открытым ранам, молитвы, которые нужно читать над роженицей, пока та не потеряет сознание от боли.

— Средневековье, — прошептала я, закрывая книгу. — Дикое, кровавое средневековье.

Как он выжил здесь пять лет? Мой Прохор, привыкший к стерильным операционным, лазерным скальпелям и мониторам. Как он не сошел с ума, видя этот мрак?

Я вернулась в малую столовую к обеду. Маркиз Филипп не появился — Марта сказала, что он «заперся в своей лаборатории». Это было мне на руку. Я ела простую кашу и жесткий хлеб, запивая их разбавленным вином. Еда казалась божественной после казенной бурды из госпиталя.

— Марта, — позвала я служанку, когда та убирала тарелки. — Этот барон фон Шталь... ты говорила, он лечит Короля?

— Да, госпожа. Король Эдуард очень стар, его мучают боли в груди. Ни один лекарь из Ордена не смог помочь, а барон дал ему какое-то зелье из белых цветов и велел гулять по утрам. Королю стало легче. Теперь барона зовут к самым знатым господам. Но он капризен. Говорят, он может отказать самому герцогу, если тот ему не нравится, и пойти лечить нищего у дороги.

Я улыбнулась. Это был он. Мой упрямый, гордый Прохор.

«Зелье из белых цветов». Ландыш? Или тот же дигиталис, только в правильной дозировке? Он лечил сердечную недостаточность методами, которые здесь казались магией.

Вечером в мои покои вошел маркиз.

Он выглядел хуже, чем вчера. Его аура стала еще темнее,

в ней появились багровые сполохи раздражения. Он долго стоял у двери, наблюдая, как я расчесываю волосы перед зеркалом.

— Ты выглядишь подозрительно бодрой, Каталина, — его голос был сухим шелестом. — Мадам Агнесса говорит, ты отказалась от лекарства и вела себя... неподобающе.

Я положила гребень и медленно повернулась.

— Ваше лекарство, Филипп, вызывало у меня галлюцинации. Я решила, что ясная голова мне нужнее, чем покорность.

Маркиз подошел ближе. От него пахло серой и чем-то кислым. Его рука потянулась к моей шее, и я почувствовала, как он пытается «настроиться» на мою энергию, как паразит, ищущий вену.

Я мягко, но решительно отвела его руку.

— Не стоит, Филипп. Я сегодня слишком истощена для ваших... процедур. Но я думала о вас. О вашем здоровье. Он замер, подозрительно сузив глаза.

— О моем здоровье? Ты?

— Я слышала слухи, — я встала, становясь с ним на одном уровне. — О враче на севере. Барон фон Шталь. Говорят, он знает секреты долголетия и может исцелить даже самое изношенное сердце. Разве вы, маркиз, не хотите жить вечно?

Разве не ради этого вы тратите часы в своей лаборатории, смешивая ртуть и свинец?

Маркиз застыл. Слово «бессмертие» подействовало на него как магнит. Его зрачки расширились.

— Шталь... — пробормотал он. — Я слышал о нем. Шарлатан и мясник. Орден Чистоты требует его головы.

— Орден Чистоты требует голов всех, кто умнее их, — я сделала шаг к нему, понижая голос до доверительного шепота. Психология манипуляции — мой конек. — Но Король жив благодаря ему. А вы, Филипп... вы слабеете. Я чувствую это. Мой дар говорит мне, что ваше время истекает. Если только...

— Если только что? — он вцепился в мои плечи. Его хватка была слабой, но цепкой.

— Если только вы не пригласите его сюда. Под предлогом моего лечения. Орден не узнает — вы просто зовете врача к больной жене. А он... он осмотрит вас. И, возможно, поделится секретом, который дороже всего золота в ваших подвалах.

Маркиз тяжело дышал. Я видела, как страх смерти борется в нем с осторожностью. Но жадность до жизни побеждала. Его аура дрогнула, сменив цвет на грязно-желтый — цвет надежды отчаявшегося человека.

— Ты хочешь, чтобы я привез этого еретика в свой дом? — он смотрел на меня в упор.

— Я хочу, чтобы мой муж жил долго, — я солгала так

легко, что самой стало страшно. — И я хочу, чтобы он был сильным. Разве барон фон Шталь — не малая цена за вечность?

Филипп долго молчал. Потом он резко отпустил мои плечи и направился к выходу.

— Я подумаю над твоими словами, Каталина. А теперь ложись. И если я узнаю, что ты снова вылила лекарство...

— Вы этого не узнаете, Филипп, — перебила я его с мягкой улыбкой. — Потому что завтра я буду чувствовать себя еще лучше. Без всяких капель.

Когда дверь закрылась, я подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Мои пальцы дрожали.

Я забросила наживку. Старый паук заглотнул её. Теперь оставалось только ждать.

Где-то там, на холодном севере, Генри зашивал раны и искал женщину с золотыми волосами. Он еще не знал, что эта женщина уже начала свою охоту. И что ради встречи с ним она готова разыграть партию, в которой на кону стоит жизнь самого могущественного человека в округе.

— Иди ко мне, Прощ, — прошептала я в темноту. — Пожалуйста, найди меня быстрее, чем этот старик поймет, какую змею он пригрел на груди.

Ветер за окном подхватил мой шепот и унес его в сторону Серых гор, туда, где скальпель в руках гения менял судьбу

этого забытого Богом мира.

Глава 3(Прохор/ Генри)

Запах дистиллированного спирта вперемешку с вонью немытых тел и запекшейся крови — вот мой личный аромат этого мира. За пять лет я привык к нему больше, чем когда-то к парфюму из дьюти-фри или запаху новой кожаной обивки в моем «Мерседесе».

— Держи его крепче, Ганс. Если он дернется, я перережу ему бедренную артерию, и мы тут все утонем в его грехах, — я не поднимал глаз от раны.

Мой голос звучал сухо и глухо из-под куска плотного льна, которым я обвязал лицо. В этом чертовом средневековье не слышали о масках, но я приучил своих помощников: в моей операционной рот должен быть закрыт. Буквально и фигурально.

Ганс, бывший десятник наемников, которому я три года назад буквально по кусочкам собрал раздробленное колено, навалился всей своей массой на плечи пациента. Пациент — здоровенный детина с пробитым бедром — уже не кричал. Он только хрипел, пуская кровавые пузыри. Солома, которой был набит матрас, шуршала под его конвульсиями.

— Скальпель, — я протянул руку, не глядя.

Ганс подал мне инструмент. Это был не тот изящный стальной клинок, к которому я привык в Москве. Этот я выковал сам, из лучшей стали, которую смог найти на севере.

Он был грубоват, но заточен до состояния бритвы.

Я вошел в плоть. Сопротивление тканей, знакомый хруст фасции. Мой мозг, когда-то принадлежавший ведущему кардиохирургу Прохору Ивановичу, сейчас работал в режиме автопилота. Здесь я был Генри, бароном фон Шталем, «мясником», как шептали за моей спиной.

Железный наконечник арбалетного болта застрял глубоко, зацепив кость. Одно неверное движение — и парень истечет кровью за три минуты. В этом мире нет гемостатиков. Нет переливания. Только мои руки и чистое везение.

— Зажим, — скомандовал я.

Вместо аккуратного инструмента в мою ладонь легло нечто, больше похожее на ювелирные плоскогубцы. Я стиснул зубы. Работа в таких условиях — это всё равно что пытаться починить швейцарские часы топором. Но я справлялся. Пять лет практики в Эдельгарде научили меня импровизировать там, где любой другой просто опустил бы руки.

— Достал, — я бросил окровавленный кусок железа в медный таз. Звон металла о металл прозвучал как выстрел. — Шелк. Быстро.

Пока я накладывал швы, стараясь соединить края рваной раны, тяжелая дубовая дверь в лазарет распахнулась. В проеме, на фоне тусклого света факелов, застыла высокая, костлявая фигура.

Брат Иероним. Орден Чистоты собственной персоной. От него всегда пахло старой бумагой и фанатизмом.

— Опять вы оскверняете плоть, барон? — его голос, высокий и визгливый, резал пространство не хуже моего скальпеля. — Вы лезете туда, куда дозволено смотреть только Создателю. Это гордыня, фон Шталь. И она приведет вас на костер.

Я даже не повернул головы. Последний стежок. Узел. Обрезать нить.

— Иероним, если вы не закроете дверь с той стороны через три секунды, я решу, что у вашего Бога сегодня выходной, и препарирую вашу челюсть, чтобы выяснить, почему она производит столько лишнего шума, — я разогнул спину. Поясницу ломило. — Ганс, выведи гостя. И принеси мне уксусной воды.

— Вы поплатитесь! — взвизгнул монах, но Ганс уже двигался к нему. Рост и плечи моего помощника обычно действовали на святош лучше любых богословских аргументов.

Дверь захлопнулась. Я сорвал с лица повязку и жадно глотнул тяжелый, душный воздух лазарета. Пациент спал — я влил в него ударную дозу макового отвара перед началом. Выживет ли? Пятьдесят на пятьдесят. Инфекция — вот главный палач этого мира.

Я подошел к умывальнику — массивному каменному корыту — и начал долго, методично оттирать кровь с рук. В голове пульсировала одна и та же мысль, которая не давала мне покоя уже тысячу восемьсот двадцать пять дней.

Где они?

Пять лет назад я видел, как Клара и Семён исчезли в том синем мареве. "Верни мне сына" это были последние слова глухо доносившиеся из синей воронки. Я сам провалился в него секундой позже, но очнулся здесь, в теле тридцатипятилетнего барона, который только что свалился с коня и свернул себе шею. Судьба дала мне новое тело, титул и замок, но отобрала смысл жизни.

Я вышел на балкон. Мой замок стоял на скале, обдуваемый всеми ветрами Севера. Внизу, в сумерках, раскинулось баронство Шталь — суровое, серое, как и всё в моей нынешней жизни.

Я подошел к столу в углу кабинета. Там, под стопкой отчетов о заготовке дров, лежал небольшой лист пергамента. Я достал его и провел пальцами по рисунку. Набросок углем. Женщина с грустными, мудрыми глазами. Моя Клара.

С каждым годом её черты в моей памяти становились всё более размытыми. Я панически боялся этого. Боялся, что однажды проснусь и не смогу вспомнить наклон её головы или то, как она шурилась, когда смеялась.

— Пять лет, — прошептал я в пустоту. — Пять лет я ищу тебя, Клара. Каждый караван, каждый бродяга, каждый спасенный мною больной — я у всех спрашиваю одно и то же. Пять лет я ищу Семена, нашего сына, которого так же потерял..

Но мир Эдельгарда был огромен и неповоротлив. Вести здесь ползли со скоростью груженной телеги.

Я спустился в кузницу. Звук молота о наковальню помогал мне не сойти с ума. Ганс уже был там — он раздувал мехи.

— Люди вернулись с юга, барон, — Ганс не смотрел на меня, сосредоточенный на углях. — Они проехали от столицы до границ земель д'Орсе.

Я замер, сжимая в руке щипцы.

— И?

— Ничего. Женщин с золотыми волосами много. Но ни одна не говорит на «странном наречии». Ни одна не ищет мужчину по имени Прохор. Простите, господин.

Я кивнул. Горло сдавило привычным обручем разочарования.

— Продолжайте искать. Увеличь плату. Скажи им, что я отдам годовой доход баронства за любую зацепку.

Мы работали молча еще часа два. Я ковал новые зажимы — тонкие, изящные. В этом деле я достиг совершенства. Мои инструменты были легендой, за них алхимики предлагали сумасшедшие деньги, но я не продавал. Это была моя связь с тем миром. С моей настоящей жизнью.

Уже за полночь, когда я собирался уходить в свои покои, во двор замка въехала телега. Стражники у ворот закричали, послышался шум борьбы, а затем — тяжелые шаги Ганса.

— Барон! Тут бродягу привезли. Нашли в канаве в трех

милях отсюда. Весь в лихорадке, бредит. Но... вам стоит на это взглянуть.

Я чертыхнулся про себя. Еще один безнадежный случай посреди ночи. Но я пошел. Профессиональный инстинкт был сильнее усталости.

Бродяга лежал на соломе в приемном покое. Худой, обросший грязной бородой, в лохмотьях, которые когда-то были приличным кафтаном. Он метался в беспамятстве, что-то шепча пересохшими губами.

Я склонился над ним, прикладывая ладонь к пылающему лбу.

— Ганс, принеси воды и обрежь эти тряпки. Нужно осмотреть его на предмет ран.

Ганс ловко орудовал ножом. Когда он разрезал левый рукав бродяги, я замер. Мое сердце, которое я считал огрубевшим и почти мертвым, пропустило удар, а затем забилось в бешеном, аритмичном ритме.

На предплечье мужчины, под слоем грязи, виднелся странный след. Это была не татуировка в привычном понимании этого мира — чернила были яркими, линия — идеальной.

Стилизованное сердце, переплетенное со скальпелем.

Логотип нашей частной клиники «Сердце на ладони», которую мы с Кларой открыли в Москве десять лет назад. Рисунок, который мы придумывали вместе, сидя на кухне и спо-

ря о толщине линий.

Я схватил бродягу за плечо, почти тряхнув его.

— Кто ты?! Откуда это у тебя?! — мой голос сорвался на крик.

Бродяга приоткрыл глаза. Они были мутными от жара, но на мгновение в них промелькнуло узнавание.

— Док... — прохрипел он, прежде чем снова провалиться в забытие. — Она... ищет...

Я выпрямился. Руки дрожали так сильно, что пришлось сцепить их в замок. Пять лет тишины закончились одним-единственным словом.

— Ганс! — я обернулся к помощнику. Мой взгляд, должно быть, был безумным. — Этого человека — в мою личную спальню. Самый лучший уход. Самые дорогие лекарства. Если он умрет — я сам тебя препарирую.

Я смотрел на татуировку и понимал: мой мир только что снова перевернулся. Клара была здесь. Она была где-то рядом. И этот человек — мой единственный мостик к ней.

— Я иду, Клара, — прошептал я, чувствуя, как внутри, вместо привычного холода, начинает разгораться настоящий пожар. — Теперь я тебя из-под земли достану.

Я вернулся к столу, схватил уголь и с такой силой прижал его к пергаменту, что тот хрустнул. Я начал рисовать. Не лицо Клары, а карту. Путь, который мне предстояло пройти. Потому что хирург Генри фон Шталь больше не собирался

просто ждать. Он собирался оперировать саму судьбу.

Глава 4

Второе утро в замке д'Орсе началось с тишины, которая больше не казалась мне угрожающей. Она была прозрачной, как качественный физраствор. Я лежала, прислушиваясь к собственному телу. Сердце работало ровно, без тех спотыканий и провалов, которые мучили меня последние дни. Без порции наперстянки мой организм, подстегнутый молодостью Каталинабель, начал стремительную регенерацию.

Я села на кровати, чувствуя, как кровь бодро разбегается по жилам. В моем мире мне требовалось полчаса и две чашки крепкого кофе, чтобы просто осознать себя в пространстве. Здесь же я была готова действовать сразу.

— Марта! — позвала я, и девчонка тут же юркнула в комнату. Она явно караулила у двери. — Помоги мне одеться. И принеси завтрак сюда. Маркиз уже поднялся?

— Ох, госпожа, его милость еще до рассвета спустились в нижние палаты, в алхимическую залу, — прошептала Марта, затягивая на мне шнуровку лифа. — Велели не беспокоить их, пока сами не выйдут.

«Нижние палаты» — это подвал. Старик зарылся в свои реторты и перегонные кубы, пытаясь выварить бессмертие из грязи и свинца. Для меня это был идеальный шанс. Пять лет в психиатрической клинике научили меня одной важной вещи: если хочешь выжить в окружении врагов, ты должна

знать их секреты лучше, чем свои собственные.

Завтрак — кусок холодного мяса и подсохшая лепешка — показался мне пищей богов. Закончив с едой, я вышла в коридор. Замок д'Орсе напоминал мне затаившегося зверя. Камни стен дышали холодом, а гобелены, колышущиеся от сквозняков, казались живыми тенями.

Мне нужен был кабинет Филиппа. Личное пространство человека — это его расширенная аура. Там я надеялась найти хоть что-то, что свяжет мои догадки о «Бароне-Мяснике» с реальностью.

Я чувствовала мадам Агнессу прежде, чем увидела её. Её аура — липкая, коричнево-зеленая, как застоявшаяся жижа — отчетливо ощущалась за поворотом. Экономка проверяла чистоту подсвечников.

— Марта, — я обернулась к служанке, которая преданно семенила за мной. — Сходи в прачечную. Скажи, что мне не нравится запах мыла, которым они моют мои сорочки. Пусть перестирают всё с лавандой. И не возвращайся, пока не добьешься своего.

Девчонка кивнула и исчезла. Теперь — Агнесса.

Я вышла к ней навстречу, расправив плечи. В теле Каталинабель было столько нерастраченной грации, что я невольно наслаждалась каждым движением.

— Мадам Агнесса, — я остановилась в двух шагах от неё, вынуждая её прервать свое занятие. — Маркиз просил меня найти в его кабинете некоторые записи по гербалистике. Но

я, кажется, заблудилась в этих бесконечных переходах. Проводите меня.

Экономка выпрямилась, её ключи на поясе звякнули, как кандалы. В её глазах промелькнуло недоверие.

— Кабинет его милости всегда заперт, госпожа маркиза. Филипп не любит, когда там кто-то бывает. Даже вы.

Я улыбнулась ей — той самой улыбкой, которой я в Москве умирала самых заносчивых спонсоров клиники. Мягко, но с холодком в глубине зрачков.

— Вы ослышались, Агнесса. Я сказала: маркиз просил меня. Вы сомневаетесь в моих словах или в праве жены входить в кабинет мужа?

Я видела, как она колеблется. В её мире «старая» Каталинабель никогда бы не посмела заговорить с ней в таком тоне. Но сейчас перед ней стояла женщина, которая знала о человеческой психике больше, чем все инквизиторы этого королевства вместе взятые.

— Прошу за мной, — процедила она сквозь зубы.

Она открыла тяжелую дубовую дверь связкой своих ключей. Кабинет Филиппа встретил меня густым запахом старой бумаги, сушеной полыни и чего-то едкого, химического.

— Я подожду здесь, — сказала Агнесса, замирая в дверях.

— Нет. У вас наверняка полно дел в кладовых. Я сама запру дверь, когда закончу. Свободны.

Она хотела возразить, я видела это по тому, как дернулся её подбородок. Но я просто отвернулась от неё, показывая,

что разговор окончен. Этот прием — лишение внимания — действует на подчиненных безотказно. Через минуту я услышала её удаляющиеся шаги.

У меня было мало времени. Кабинет был загроможден свитками, книгами в кожаных переплетах и странными приборами из меди. Я начала методично просматривать бумаги на массивном столе. Счета за уголь, переписка с какими-то поставщиками редких масел, налоги...

И тут я увидела её. Папка из грубой кожи, перевязанная пеньковой веревкой. На ней не было гербов, только сухая надпись: «Донесения из Северного предела».

Я развязала узел, чувствуя, как кончики пальцев покалывает от напряжения. Первые листки были докладами управляющих. Но на дне лежал документ, написанный на плотной, дорогой бумаге. Это было экспертное заключение по поводу какой-то эпидемии, случившейся в тех краях год назад.

Я взглянула на подпись.

«Барон Генри фон Шталь, хирург».

Мир вокруг меня на мгновение качнулся. Сердце, которое я так старательно успокаивала, сделало мощный кувырок и забилось в самом горле.

Почерк.

Этот почерк я узнала бы из миллиардов. Резкий, размашистый, с характерным наклоном вправо — почерк человека, который привык быстро записывать анамнез, пока паци-

ента готовят к наркозу. Генри... Прохор всегда ставил точку над «i» коротким, острым штрихом, похожим на укол иглой.

Я жадно вчитывалась в строки. Латынь. Но не та тяжеловесная, церковная латынь, которой пользовались местные лекари. Это была латынь медицинская, анатомическая. Он использовал термины, которые в этом мире еще не существовали. «*Ventriculus sinister*», «*Arteria pulmonalis*»...

Но добил меня не текст. На полях страницы, рядом с описанием симптомов лихорадки, был сделан крошечный, почти машинальный набросок. Сердце, обвитое змеей, но не в классическом медицинском стиле, а так, как рисовал только он: сердце лежало в раскрытых ладонях.

Это был наш логотип. Логотип нашей клиники.

Я прижала лист к груди, задышавшись от внезапных слез. Он здесь. Он не просто выжил, он сохранил себя. Он остался тем самым безумным хирургом, который верил, что смерть — это просто техническая неполадка, которую можно исправить скальпелем.

— Генри... — прошептала я, и имя отозвалось в комнате тихим эхом. — Прощ, ты всё-таки здесь.

Внезапный звук шагов в коридоре заставил меня вздрогнуть. Я мгновенно сложила бумаги обратно в папку и завязала узел. Нужно было уходить.

Я вышла из кабинета, заперевав дверь (замок был простым, я подсмотрела, как Агнесса поворачивала ключ). В коридоре меня ждал сюрприз. Маркиз Филипп поднимался по лестни-

це из своих подвалов.

Он выглядел отвратительно. Лицо приобрело землистый оттенок, под глазами залегли глубокие тени. Его аура была изорвана в клочья, сквозь серый туман проглядывали черные дыры — верный признак того, что его тело начало пожирать само себя.

— Что ты делала в моем кабинете? — его голос был сухим, как треск ломающихся веток.

Я не отвела взгляда. Сейчас наступил момент для решающего хода.

— Я искала ответы, Филипп. И я их нашла.

Он остановился, тяжело опираясь на резную трость.

— О чем ты?

— О вашей болезни. Я видела ваши записи. Вы пытаетесь найти лекарство там, где его нет. Алхимия не вылечит изношенное сердце, она только отравит остатки крови.

Маркиз дернулся, его губы искривились в горькой усмешке.

— И что же предлагает моя мудрая жена? Снова молитвы? Или, может, твой дар внезапно решил меня исцелить?

— Мой дар говорит мне, что вам нужен не алхимик, а тот, кто понимает механику жизни, — я сделала шаг к нему, понижая голос. — Я читала отчет барона фон Шталя. Его зна-

ния... они пугающе точны. Вы ведь тоже это почувствовали, не так ли? Поэтому вы храните его бумаги отдельно.

Филипп замолчал. Я видела, как в его глазах борется подозрительность и отчаянная надежда.

— Он еретик, — выдохнул маркиз. — Его методы... они кощунственны.

— Кощунственно умирать, когда спасение рядом, — я коснулась его руки. Его кожа была холодной и липкой. — Филипп, вы ведь не боитесь ереси. Вы боитесь небытия. Напишите ему. Пригласите его сюда. Официально — для консультации по поводу моего здоровья. Вы ведь знаете, что я слаба. Скажите, что маркизе д'Орсе нужен лучший врач королевства.

— Он не поедет, — буркнул Филипп, но я видела, что он уже проглотил наживку. — Он высокомерен как дьявол.

— Поедет. Если вы предложите ему доступ к вашей библиотеке и... если я сама напишу приписку. Как женщина, которая ищет исцеления.

Маркиз долго смотрел на меня. В его ауре внезапно вспыхнул грязно-желтый огонек жадности. Он хотел жить. Любой ценой.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я велю подготовить письмо. Но если это окажется пустой затеей, Каталина... ты пожалеешь, что когда-то открыла глаза.

Я кивнула, сохраняя на лице маску смирения. Внутри же у меня всё пело.

Вечером, когда маркиз прислал мне письмо для приписки, я взяла перо. Мои руки дрожали, но я заставила себя вывести ровные строки. Я не могла написать «Я твоя Клара». Это письмо могли перехватить.

Я написала на латыни, в самом конце, там, где обычно ставят пожелания здоровья:

«Аритмия — это не приговор, если скальпель в надежных руках. Ждем вас в д'Орсе, Генри. *Сог теум*».

«Сердце мое». Так мы подписывали открытки друг другу двадцать лет.

Я запечатала письмо воском, чувствуя, как по спине бежит холодок. Я только что выпустила стрелу в темноту. Теперь оставалось только ждать, попадет ли она в цель.

Ночью мне снился Прохор. Он стоял в операционной, залитой неземным синим светом, и держал в руках бьющееся сердце.

— Я иду, — шептал он. — Только держись.

Я проснулась на рассвете. За окном шел мелкий, холодный дождь, но мне было тепло. В моем кармане лежал украденный из кабинета листок с его почерком.

Я подошла к окну и посмотрела на север. Там, за лесами и горами, мой муж уже наверняка получил мое послание. Или получит его через несколько дней.

— Поспеш, — прошептала я, прижимая ладонь к стеклу.

— Потому что этот замок начинает медленно меня убивать.

В коридоре послышался звон ключей мадам Агнессы. Маркиз начал свою игру, но он не знал, что я уже переставила все фигуры на доске. Теперь ход был за бароном фон Шталем. И я знала: он этот ход не пропустит.

Глава 5

Тишина в замке д'Орсе стала вязкой, как засахарившийся мед. Она обволакивала коридоры, гасила звуки шагов и заставляла слуг переговариваться исключительно знаками. Я чувствовала это кожей: дом замер в ожидании неизбежного.

Прошло три дня с тех пор, как я перестала принимать «лекарство» и выставила ментальный щит. Для окружающих я просто стала «странной маркизой», но для Филиппа я превратилась в закрытую дверь. Мой дар парапсихолога теперь работал как зеркальная броня: каждый раз, когда маркиз пытался привычно «присосаться» к моей жизненной энергии, он наткнулся на глухую стену.

Эффект превзошел все мои ожидания.

Я стояла в галерее, наблюдая, как Марта меняет воду в вазах. Цветы в покоях, прилегающих к спальне маркиза, вяли за несколько часов. Бутоны роз чернели, сворачиваясь в уродливые кулачки, словно само присутствие Филиппа отравляло пространство. Паразит, лишенный привычного корма, начал пожирать самого себя.

— Госпожа, посмотрите, — Марта со вздохом вытащила из вазы осклизлый стебель. — Опять сгнили. Мадам Агнеса говорит, это дурной знак. Будто на замок наложили проклятие.

— Проклятие — это когда в доме не проветривают и не

моют полы, Марта, — я спокойно поправила складки своего темно-изумрудного платья. — Просто воздух стал тяжелым. Иди, принеси мне свежей мяты, я хочу, чтобы в моей комнате пахло чистотой.

Я знала, что Агнесса шпионит за мной. Я чувствовала её присутствие за каждой портьерой. Её аура, обычно болотно-коричневая, теперь окрасилась в грязно-серый — цвет паники. Маркиз угасал на глазах, и его свита чувствовала, как почва уходит у них из-под ног.

Обед прошел в тягостном молчании. Филипп сидел во главе стола, и казалось, что его камзол стал ему велик на несколько размеров. Его лицо приобрело цвет несвежего творога, а руки так дрожали, что он не мог донести серебряную ложку до рта.

— Ты... ты специально это делаешь, — прохрипел он, когда слуги вышли за десертом. — Ты что-то сотворила, Каталина. С тех пор как ты очнулась, из меня словно вынимают кости.

Я не спеша отрезала кусочек сыра. Внутри меня все пело от осознания собственной силы. Это не была жестокость — это была самооборона. Сорокапятилетняя Клара внутри меня знала: с абьюзерами и энергетическими вампирами нельзя договариваться. Их можно только лишить ресурса.

— Я просто перестала болеть, Филипп, — я подняла на него взгляд. — Разве вы не этого хотели? Чтобы я была здорова? Ваша слабость — это ваша собственная старость, ко-

торуую вы так долго пытались переложить на мои плечи.

— Дрянь! — Филипп попытался встать, его лицо внезапно побагровело. — Я купил тебя! Я вытащил твой род из нищеты! Ты обязана...

Он не договорил. Его глаза внезапно расширились, став похожими на два стеклянных шара. Он схватился за левую сторону груди, вцепившись в бархат камзола так, что послышался треск ткани. Воздух со свистом вырвался из его легких.

— Филипп? — я встала, но не двинулась к нему. Мой профессиональный взгляд уже сканировал симптомы.

Он начал оседать, цепляясь за скатерть. Посуда с грохотом полетела на пол, вино разлилось кровавым пятном. Маркиз ловил ртом воздух, его губы на глазах приобретали синюшный оттенок. Классическая картина: стенокардия, переходящая в острую левожелудочковую недостаточность. Отек легких.

— Помогите! Господину плохо! — закричала вбежавшая Марта.

В зале мгновенно стало тесно. Прибежали слуги, Агнеса заголосила, хватаясь за голову. Филиппа подняли и потащили в его покои. Я шла следом, сохраняя ледяное спокойствие. В этом хаосе я была единственным человеком, который точно знал, что происходит.

Через десять минут в спальню ввалился магистр Бруно — личный лекарь маркиза, которого вызвали из города еще

утром.

Бруно был мужчиной внушительных размеров, в тяжелом парчовом халате, увешанном амулетами. От него пахло застарелым потом, касторкой и чем-то кислым. Его лицо, красное и самодовольное, выражало глубочайшую уверенность в собственной непогрешимости. На пальцах Бруно поблескивали тяжелые перстни, которые он даже не подумал снять.

— Разойдитесь! — рывкнул он, отпихивая слуг. — У маркиза застой черной желчи в подреберье! Слишком много густых паров поднялось к мозгу!

Я замерла в углу, скрестив руки на груди. То, что я увидела дальше, заставило мои волосы зашевелиться.

Бруно достал из кожаного саквояжа набор ланцетов и грязную тряпицу.

— Нужно немедленно пустить кровь! Три кубка, не меньше. И принесите каленое железо — нужно прижечь пятки, чтобы оттянуть жар от сердца.

— Что вы делаете? — мой голос прозвучал как выстрел в тишине комнаты.

Бруно обернулся, глядя на меня свысока.

— Отойдите, маркиза. Это мужское дело. Женщинам не место при таинстве исцеления.

— Таинстве? — я сделала шаг вперед. — Вы собираетесь резать человека, у которого и так критически низкое давле-

ние и отек легких? Вы хотите убить его прямо сейчас?

— Отек... чего? — Бруно нахмурился, его аура вспыхнула агрессивным багровым цветом. — Не несите ереси, госпожа. Я учился в университете три года! Я знаю, как выгонять демонов хвори!

Он повернулся к Филиппу, который уже начал хрипеть — в его легких скапливалась жидкость. Бруно занес ланцет над веной на руке маркиза.

— Хватит, — я подошла и просто перехватила его руку. Мои пальцы сжали его запястье с такой силой, что он охнул. — Вы не коснетесь его.

— Да как вы смее! — взвизгнул Бруно. — Агнесса! Стража! Маркиза лишилась рассудка!

— Агнесса, — я обернулась к экономке, которая замерла в дверях. — Если этот человек сейчас пустит кровь твоему хозяину, он умрет через пять минут. Его сердце не справляется с жидкостью. Ему нельзя лежать плашмя — поднимите его выше, на подушки! И принесите лед!

— Лед при горячке? — Бруно начал трястись от ярости. — Вы ведьма! Вы хотите застудить его душу!

Я посмотрела на него так, как смотрела на самых неадекватных пациентов в буйном отделении. Холодно. Сверляще. Прямо в подкорку.

— Послушайте меня, «магистр». У маркиза не желчь, а сердечный приступ. Его сосуды забиты, а сердце слиш-

ком слабо, чтобы качать кровь. Если вы сейчас пустите ему кровь, объем циркулирующей жидкости упадет, и сердце просто встанет навсегда. Вы хотите отвечать перед королем за смерть маркиза д'Орсе?

Слово «король» подействовало на Бруно как ведро холодной воды. Он побледнел, его самоуверенность дала трещину.

— Вон отсюда, — тихо сказала я. — И заберите свои грязные ножи. Марта, Агнесса — живо подушки под спину! Он должен сидеть, а не лежать! Окно — настежь! Ему нужен кислород, а не вонь ваших благовоний!

Слуги, привыкшие подчиняться сильному голосу, бросились выполнять мои приказы. Бруно, что-то невнятно бормоча о «женском ведовстве», попятился к двери и исчез.

Я подошла к Филиппу. Он был в полусознании, глаза закатились. Я приложила пальцы к его шее — пульс был нитевидным, частым. Аритмия.

«Ну давай, Генри, — подумала я, прикладывая холодный компресс к его лбу. — Где же ты? Мне нечем его лечить в этом веке. Я могу только дать ему немного времени».

Я провела в его спальне три часа. Я заставила слуг вымыть комнату уксусом, убрать все лишние ковры, которые собирали пыль, и каждые десять минут меняла холодные обертывания на его ногах — это помогало хоть немного уменьшить приток крови к перегруженному сердцу.

К вечеру хрипы стали тише. Филипп открыл глаза. Его взгляд был мутным, но осознанным. Он увидел меня — я

сидела в кресле рядом, не снимая рук с его запястья.

— Каталина... — прошелестел он. — Что со мной?

— Вы едва не умерли, Филипп, — я наклонилась к нему.

— Ваш магистр Бруно хотел вас зарезать. Я его выгнала.

Маркиз попытался глубоко вздохнуть, поморщился от боли.

— Я... я видел тьму. Она была совсем рядом.

— И она вернется, — я не собиралась его утешать. — Ваше сердце изношено. Местная медицина убьет вас при следующей попытке помочь.

Он вцепился в мой рукав своими костлявыми пальцами.

— Ты... ты спасла меня? Зачем?

— Потому что я не хочу быть вдовой раньше времени, — я лгала легко, глядя ему прямо в глаза. — И потому что я жду человека, который действительно может вам помочь. Генри фон Шталь уже получил письмо. Только он знает, как «починить» то, что сломалось у вас внутри.

Филипп закрыл глаза. Его аура была крошечным, дрожащим огоньком. Он был напуган. Страх смерти — самый лучший поводок для таких, как он.

— Делай что хочешь... — выдохнул он. — Ты теперь... распорядительница. Никто не войдет сюда без твоего слова. Только спаси меня...

Я кивнула.

— Спите, Филипп. Теперь я здесь главная.

Я вышла из его покоев уже в сумерках. Ноги гудели, спина казалась каменной. Мадам Агнесса ждала меня в коридоре. Она поклонилась — низко, почтительно, как никогда раньше. Весть о том, как я выставила магистра и «заговорила смерть», уже разлетелась по замку.

Я поднялась на балкон своей комнаты. Воздух был пропитан ароматом хвои и приближающегося дождя. Я смотрела на северную дорогу, которая тонула в чернильной темноте лесов.

Внезапно вдали, у самого горизонта, я увидела вспышку. Затем еще одну. Звук охотничьего рога — тонкий, пронзительный — донесся до меня вместе с порывом ветра.

Это был не обычный сигнал. Ритм был странным: три коротких звука, один длинный.

Буква «V» по азбуке Морзе. Victory. Победа.

Генри... Прохор использовал этот сигнал в горах, когда мы ходили в походы в нашей прошлой жизни. Это был его личный код.

Сердце пропустило удар и зашло в сумасшедшем восторге.

Письмо дошло. Он услышал. Он ответил.

Через минуту к воротам замка подлетел всадник в запы-

ленном плаще.

— Весть из Штальграда! Срочно! Маркизе д'Орсе лично в руки! — закричал он, осаживая коня так, что искры посыпались из-под копыт.

Я бросилась вниз по лестнице, не чувствуя ступеней. Мои пальцы дрожали, когда я выхватывала из рук гонца тяжелый кожаный тубус, запечатанный черным воском с оттиском скальпеля и сердца.

Я разломил печать прямо в вестибюле, под любопытными взглядами слуг.

Внутри был один-единственный листок. Без официальных приветствий. Без титулов.

Всего пять слов, написанных тем самым, до боли знакомым почерком:

«Держи зажим, Клара. Я выезжаю».

Я прижала листок к губам, глотая слезы. Пять лет. Пять лет одиночества закончились этим коротким посланием. Он узнал. Он понял. Он идет за мной.

— Мадам? С вами всё хорошо? — испуганно спросила Марта.

Я подняла голову и улыбнулась ей так, что девчонка невольно отшатнулась. Это была улыбка женщины, которая только что получила ключ от своей тюрьмы.

— Со мной всё прекрасно, Марта. Вели приготовить луч-

шие комнаты для гостей. К нам едет барон фон Шталь. И скажи поварам, чтобы завтра на завтрак была овсянка на воде. Барон не любит излишеств перед работой.

Я смотрела на огонь факела, и мне казалось, что в его пламени я вижу лицо своего мужа.

«Я держу, Генри, — подумала я. — Я держу этот мир за горло и не отпущу, пока ты не приедешь».

Этой ночью я спала без сновидений. Потому что реальность наконец-то стала лучше любого сна.

Глава 6(Прохор/Генри)

Конский пот, мокрая шерсть и запах прелой листвы — этот коктейль преследовал меня вторые сутки. Дождь не лил, он просто висел в воздухе серой, липкой взвесью, пропитывая плащ и пробираясь под камзол, точно ледяные пальцы покойника.

Я гнал коня, не жалея ни его, ни себя. Гром — мой вороной жеребец, названный так за тяжелый нрав и еще более тяжелый шаг, — хрипел, но шел вперед. За спиной тяжело бухал копытами отряд Ганса. Мой верный помощник молчал, и я был ему за это благодарен. Он видел мое лицо, когда я читал письмо, и, кажется, решил, что его господин окончательно сошел с ума.

Или одержим демонами. В этом мире это примерно одно и то же.

Я прижал ладонь к груди. Сквозь сукно и кожу я чувствовал ребро сложенного пергамента.

«Аритмия — это не приговор... Cor meum».

Два слова. Латынь, которую здесь коверкали церковники, превращая её в магическое заклинание. Но для нас с Кларой «Cor meum» — сердце мое — никогда не было просто красивой фразой. В нашей прошлой жизни, в Москве, где я оперировал в стерильной тишине, а она лечила души тех, от кого отказались все остальные, это был наш короткий шифр.

Когда я задерживался на ночном дежурстве, а она не спала, ожидая моего звонка. Когда мы спорили о новом оборудовании для клиники или когда просто сидели на кухне, наблюдая за Семёном.

«Сердце мое». Половина одной системы кровообращения, которая не может работать автономно.

— Барон, кони падут! — Ганс поравнялся со мной, перекрикивая свист ветра. — Впереди «Старый копыто», там можно сменить лошадей и переждать до рассвета. В таком тумане мы только шеи ломаем!

Я хотел крикнуть «нет», хотел хлестнуть Грома и лететь дальше, в эту серую неизвестность, но рациональный хирург внутри меня взял верх. Измотанный врач — плохой врач. Если я приеду в замок д'Орсе в состоянии полураспада, я не смогу ни оперировать, ни соображать. А судя по письму, оперировать придется. И не только скальпелем, но и мозгами.

— Поворачивай! — бросил я, осаживая жеребца.

«Старый копыто» оказался захудалым трактиром на границе северных земель и владений маркиза. Низкие потолки, запах прогорклого жира и дешевого эля. Когда мы вошли, разговоры мгновенно стихли. Мой плащ, расшитый серебряной нитью по вороту, и герб с изображением скальпеля и сердца на груди Ганса действовали на местных как явление инквизиции.

Я сел в самом темном углу, не снимая перчаток. Ганс

быстро организовал еду — вареное мясо, больше похожее на кусок подошвы, и кислое вино.

— Выпейте, господин, — он поставил передо мной оловянную кружку. — У вас глаза как у призрака.

Я кивнул, машинально отпивая кислятину. Мои мысли были далеко отсюда. Я снова и снова разбирал каждую букву в письме. Почерк. Он был другим — изящным, женским, принадлежащим молодой девушке, судя по твердости линий. Но в нем сквозила та самая специфическая манера: Генри... мое имя, написанное так, как будто человек привык заполнять истории болезни. Маленький наклон, специфическая петля у буквы «g».

А если это ловушка? Если Филипп д'Орсе — этот старый лис — прознал о моей тайне? Или Орден Чистоты решил выманить «мясника» из его укрепленного замка?

Я усмехнулся. Пусть пробуют. Если это Клара — я вырву её из лап этого мира. Если это ловушка — я вскрыю глотку любому, кто встанет на моем пути.

— Господин барон... — ко мне робко подошел хозяин трактира, комкая в руках грязный передник. — Простите за дерзость... Вы ведь тот самый лекарь со Шталя? Говорят, вы... ну, это... руки пришиваете?

Я поднял на него взгляд. Тяжелый, холодный взгляд человека, который видел смерть слишком часто.

— Я барон фон Шталь. Что тебе нужно?

— Дочка моя... Лизхен. Палец на руке гноится уже неделю. Лекарь из деревни сказал — отнимать надо, а то и вся рука сгниет. А она ж невеста скоро... Как она без пальца-то?

Я посмотрел на Ганса. Тот вздохнул и потянулся за моим саквояжем, который никогда не покидал его рук.

— Сюда её. Живо.

Девочка была совсем крохотной, лет десяти. Она дрожала от лихорадки и ужаса, глядя на мой кожаный фартук, который я накинул прямо поверх камзола. Палец был багрово-синим, раздутым, с желтой головкой нарыва. Классический панариций.

— Держи её крепко, папаша, — я достал из саквояжа маленькое зеркало-рефлектор и прикрепил его к обручу на голове. — Ганс, спирт. И мой самый малый ланцет.

В трактире повисла такая тишина, что было слышно, как шуршат мыши в соломе. Я работал быстро. Разрез — четкий, уверенный. Гной брызнул в таз, девочка вскрикнула и затихла, уткнувшись в плечо отца.

— Всё. Обрабатывай уксусом и меняй повязку трижды в день. Палец останется, но шрам будет ей напоминанием о том, что нельзя ковыряться в грязной земле с заусенцами, — я вытирал инструменты, чувствуя, как привычная работа немного успокаивает нервы.

— Благослови вас Бог, господин... — запричитал трактирщик.

— Бог тут ни при чем, — отрезал я, сворачивая инструменты. — Это просто анатомия. Ганс, через два часа выезжаем. Мне плевать на туман.

Мы пересекли границу земель д'Орсе на рассвете. Пейзаж изменился — леса здесь были гуще, мрачнее, а замки, мелькавшие на холмах, напоминали не крепости, а склепы. Маркиз Филипп славился своей скупостью и жестокостью. Говорили, он одержим алхимией и черной магией.

— Нехорошее место, барон, — Ганс поправил меч на поясе. — Тут даже птицы не поют.

— Мне всё равно, Ганс. Мне нужно только одно.

Я чувствовал, как внутри меня растет напряжение. Это не был страх перед маркизом. Это был страх перед надеждой. Если я приеду туда и увижу просто молодую, капризную аристократку, которая решила поиграть в тайные письма... Я не знал, что сделаю. Наверное, просто выжгу этот замок до основания.

Замок д'Орсе вырос из тумана внезапно. Огромный, серый, с острыми шпилями башен, он казался каменным клыком, вонзенным в небо. Окна светились зловещим, тусклым желтым огнем.

Я осадил Грома у самых ворот. Мое дыхание вырывалось из легких облачками пара.

— Барон Генри фон Шталь! — закричал Ганс, трубя в рог. — Прибыл по приглашению маркиза д'Орсе!

Тяжелые дубовые ворота начали медленно открываться,

скрипя несмазанными петлями. Я смотрел вверх, на балкон главной башни. Там, в полумраке, стоял силуэт. Тонкая женская фигура в темном платье. Золотистые волосы блеснули в свете факела, который держал слуга.

Мое сердце пропустило удар. Пульс забарабанил в висках так сильно, что перед глазами поплыли круги.

Я взял рог у Ганса. Мои пальцы, привыкшие к скальпелю, мелко дрожали.

Я поднес его к губам и выдал серию сигналов. Три коротких — пауза — один длинный.

Три точки, тире. Буква «V» по азбуке Морзе. Victory. Наш с Кларой сигнал, когда мы покоряли Эльбрус в нашу первую совместную годовщину. Когда мы выбрались из снежного плена и увидели спасателей.

Сигнал победы жизни над смертью.

Фигура на балконе качнулась. Я увидел, как она прижала руки к груди.

— Пошел! — рывкнул я, вонзая шпоры в бока Грома.

Мы влетели во внутренний двор так, что искры посыпались из-под копыт. Слуги в ливреях д'Орсе шарахались в стороны. Я не ждал, пока конюх примет поводья. Я спрыгнул на землю, чувствуя, как от долгой скачки затекли ноги.

— Барон, подождите! — крикнул Ганс, но я его не слышал.

Я шел к парадной лестнице, сжимая саквояж так, что ко-

стояшки пальцев побелели. Двери распахнулись. В холле пахло ладаном и гнилью — запахом, который я узнал бы из тысячи. Запах тяжелой болезни сердца. Филипп действительно умирал.

Но мне было плевать на Филиппа.

Она спускалась по лестнице медленно, словно каждый шаг давался ей с трудом. Тонкая, изящная, в платье цвета ночного леса. Её лицо было скрыто полумраком, но когда она вышла на свет люстр, я замер.

Это была не Клара.

Перед собой я видел молодую женщину, едва перешагнувшую двадцатилетний рубеж. Ослепительно красивая, с кожей белой, как лепесток лилии, и золотыми волосами, которые каскадом падали на плечи.

Разочарование было таким острым и физически болезненным, что я едва не согнулся пополам. Холодный, расчетливый хирург внутри меня издевательски захохотал: «Ты поверил в сказку, идиот! Ты поверил, что мертвые возвращаются!»

Я застыл, чувствуя, как по лицу разливается маска ледяного безразличия. Профессиональная броня захлопнулась со звоном.

— Барон фон Шталь, я полагаю? — голос девушки был чистым и нежным, но в нем слышались странные, глубокие нотки, совершенно не подходящие её возрасту.

Я отвесил короткий, сухой поклон, едва коснувшись ру-

кой эфеса меча.

— Маркиза д'Орсе. Я прибыл на ваш вызов. Могу я немедленно осмотреть пациента? Мой путь был долгим, и я не привык тратить время на светские беседы.

Я говорил официально, холодно, глядя куда-то поверх её головы. Я хотел закончить с этим как можно быстрее. Осмотреть старика, выписать рецепт и убраться из этого места, пока я не сорвался.

— Вы спешите, барон, — она сделала еще один шаг вниз. — Но дорога была опасной. Неужели вы не хотите даже смыть пыль и выпить вина?

— Я приехал лечить, а не пировать, — отрезал я, наконец посмотрев ей прямо в глаза.

И замер.

Её глаза были огромными, карими, с золотистыми искорками в глубине. И в этих глазах не было любопытства юной аристократки. В них была такая бездонная, сорокалетняя мудрость и такая невыносимая тоска, что у меня перехватило дыхание.

Она смотрела на меня так, как будто видела не «Барона-Мясника», а человека, которого знала всю свою жизнь. Каждую его морщинку, каждую привычку, каждую шрамом оставленную рану.

— Вы правы, Генри, — тихо сказала она, и при звуке моего имени, произнесенного с этой особенной, едва уловимой

хрипотцой, у меня подкосились ноги. — Времени действительно мало. Идемте. Я сама провожу вас к мужу.

Она развернулась и пошла вверх по лестнице. Я стоял, глядя ей в спину, и чувствовал, как мир вокруг меня начинает трещать по швам.

«Это не может быть она. Это просто физически невозможно. Но её голос... её взгляд...»

Я крепче сжал ручку саквояжа и последовал за ней, чувствуя, как каждый шаг по этим каменным плитам приближает меня к краю пропасти. И я не знал, что ждет меня на дне — спасение или окончательное безумие.

— Держи зажим, Клара, — прошептал я себе под нос, сжимая челюсти. — Сейчас начнется самая сложная операция в твоей жизни.

Я шел вслед за золотым сиянием её волос, и в груди, под гербом со скальпелем, сердце бахало тяжелым, ровным ритмом. Ритмом победы. Ритмом «Victory».

Глава 7

Замок д'Орсе больше не пах плесенью и застарелым страхом. Теперь он пах уксусом, кипящим щелоком и моей решимостью.

Три дня, пока моё письмо летело на север, а Генри, я знала, мчался мне навстречу, я превратила жизнь слуг в методичный, стерильный ад. Мадам Агнесса ходила за мной бледной тенью, её связка ключей на поясе больше не звенела победно, а испуганно дребезжала. Она пыталась роптать, когда я велела сорвать со стен гостевого крыла тяжелые, вековые гобелены, в которых пыль скопилась еще со времен первых королей.

— Госпожа, это же история рода! — причитала экономка, кутаясь в шаль. — Эти ткани защищают от холода! Без них мы замерзнем в этих камнях!

— От холода защищает огонь в камине, Агнесса, — я даже не обернулась, наблюдая, как двое конюхов, кашляя от пыли, выносят очередное полотнище с изображением оленей. — А эти тряпки защищают только невидимых демонов гнили, которые пожирают легкие моего мужа. Если барон фон Шталь увидит здесь хоть одну пылинку, он развернется и уедет. Вы этого хотите? Чтобы маркиз Филипп умер в этой пыльной роскоши?

Слово «смерть» действовало на Агнессу как удар хлыста.

Она замолчала, поджав губы, и я видела, как в её глазах страх перед переменами борется с ужасом перед возможной карой маркиза. Но я не давала ей времени на раздумья.

— На кухню, — скомандовала я Марте, которая теперь следовала за мной как преданный адъютант. — Проверить, чтобы все простыни были проварены в котлах не менее часа. После — сушить на солнце. Если пойдет дождь — гладить каленым железом до тех пор, пока от них не пойдет пар.

Я чувствовала себя генералом перед решающим сражением. Мои знания парапсихолога говорили мне: пространство должно быть очищено не только физически, но и энергетически. Прохор всегда был рационалистом до мозга костей, но даже он признавал, что в чистой, светлой операционной выживаемость выше. Я готовила для него не просто комнату — я готовила плацдарм.

Самое светлое помещение замка — заброшенную соляную залу на втором этаже — я выбрала для медицинских нужд. Огромные окна выходили на север, давая тот самый ровный, холодный свет, который так любил Прохор. Мы выскоблили каменный пол песком добела. Я велела вынести всю мебель, оставив только длинный дубовый стол, который мы трижды ошпарили кипятком.

— Это будет алтарь? — шепотом спросила Марта, озираясь в пустом, гулком помещении.

— Это будет место, где жизнь получит еще один шанс, — ответила я, проводя рукой по шероховатой поверхности

стола.

К вечеру третьего дня я зашла к Филиппу. Маркиз лежал в своей опочивальне, обложенный подушками. Без моих «энергетических инъекций» и под воздействием свежего воздуха, который я заставила впустить в комнату, он выглядел... прозрачным. Словно старая пергаментная рукопись, которая вот-вот рассыплется в прах.

— Он придет? — прохрипел он, едва я переступила порог.

— Он уже в пути, Филипп. Я чувствую это, — я подошла и поправила одеяло.

Его аура была тонкой, как паутина. Он был напуган. И в этом страхе он был абсолютно управляем. Я видела, как он смотрит на мои руки — руки, которые выгнали его врачей и заставили замок дышать по-новому. Для него я была загадкой, опасной, но необходимой.

— Ты... ты стала другой, — выдохнул он, вглядываясь в мое лицо. — Твои глаза... Каталинабель никогда не смотрела так. В ней не было этого льда.

— Лед помогает сохранить разум в чистоте, Филипп, — спокойно ответила я. — Отдыхайте. Вам нужны силы для встречи с бароном.

Я вышла из его комнаты, чувствуя, как внутри натягивается невидимая струна. Наступил тот час, которого я боялась и желала одновременно. Время посмотреть правде — и своему мужу — в глаза.

Вернувшись в свои покои, я велела Марте приготовить мне ванну. Вода была горячей, пахнувшей хвоей и полынью. Я специально добавила в воду экстракт полыни — это был любимый запах Прохора. В Москве он всегда покупал мыло с этим горьким ароматом, говоря, что оно помогает ему смыть запах «больничной смерти».

Когда я вышла из воды и осталась одна, я подошла к большому зеркалу.

Каталинабель была совершенна. Молодая кожа, высокая грудь, изящные ключицы. Красавица, чья жизнь только начиналась. Но когда я заглянула в отражение своих глаз, я увидела там Клару. Сорокапятилетнюю женщину, которая хоронила мужа и сына в своем воображении каждую ночь в течение пяти лет. Женщину, которая прошла через электрофорез, транквилизаторы и ледяное равнодушие санитаров.

— Узнаешь ли ты меня, Прош? — прошептала я, касаясь пальцами своего отражения. — Не эту девочку с золотыми волосами. А ту, что стояла рядом с тобой у операционного стола в три часа ночи, когда у пациента наступала клиническая смерть? Увидишь ли ты меня за этим юным фасадом?

Страх сковал мне горло. Я вдруг поняла, что в этом новом мире он Генри — признанный герой, барон, человек силы. А я — жена старика, чей статус зыбок, а репутация «безумной маркизы» только начинает сменяться репутацией «ведьмы». Динамика наших отношений изменилась. Теперь я была младше него. Теперь я была той, кого нужно защищать.

Или той, кто должна стать его тайной опорой.

Я оделась в платье из плотного темно-синего бархата. Никаких лишних украшений, только фамильная брошь д'Орсе у ворота. Волосы я велела Марте уложить в строгую прическу, открывающую шею. Я хотела выглядеть не как соблазнительная девчонка, а как хозяйка этого дома.

Ночь опустилась на Эдельгард внезапно, принеся с собой холодный ветер с гор. Я не могла сидеть. Я ходила по своей комнате, считая шаги — от окна к двери, от двери к зеркалу. Психологическая подготовка — это то, чему я учила других, но сейчас моя собственная теория трещала по швам.

Внезапно воздух в комнате словно завибрировал. Мой дар, обострившийся до предела, уловил приближение мощной, тяжелой энергии. Это была не магия — это была жизненная сила человека, который привык подчинять себе обстоятельства.

Я вышла на балкон. Ветер ударил в лицо, выбивая золотистые пряди из прически. Тьма внизу казалась бесконечной, но там, на изгибе северной дороги, вспыхнули огни. Сначала один, потом три, пять. Факелы.

И тогда я услышала его.

Звук охотничьего рога прорезал тишину ночи. Он был чистым, резким и... абсолютно осознанным.

Ту-ту-ту... Ту-у-у.

Три коротких сигнала. Один длинный.

Буква «V». Victory.

Я задохнулась. Мои пальцы впились в холодный камень перил так сильно, что под ногтями запульсировала боль.

— Это он, — выдохнула я, и облачко пара сорвалось с моих губ. — Прохор...

Это не был просто сигнал прибытия. Это был ответ на моё письмо. Он узнал шифр. Он услышал мой зов через все эти горы, через пять лет тишины, через саму смерть. Этот звук был как удар дефибриллятора — мое сердце, казалось, сейчас проломит ребра.

Я видела, как всадники влетают в распахнутые ворота. Я видела черного коня и фигуру в темном плаще, которая двигалась с той самой уверенностью, которая была присуща только ему.

«Спокойно, Клара, — приказала я себе, заставляя легкие работать ровно. — Не беги. Не падай в обморок. Ты — маркиза д'Орсе. Ты должна встретить его так, чтобы никто в этом замке не заподозрил лишнего. Но так, чтобы он понял всё в первую же секунду».

Я поправила платье, коснулась волос и в последний раз посмотрела на северную звезду.

— Держи зажим, Генри, — прошептала я. — Я на месте.

Я развернулась и пошла к лестнице. В холле уже суетились слуги, Агнесса выстраивала их в шеренгу, Марта испуганно жалась к стене. Я спускалась медленно, чувствуя, как каждый шаг отдается в голове тяжелым пульсом.

Двери распахнулись. Внутрь ворвался холодный воздух,

запах мокрой шерсти и конского пота. И в этом вихре возник он.

Он стал выше. Его плечи стали шире под тяжелым дорожным плащом. Лицо, которое я помнила гладким, теперь было иссечено ветрами, в густой бороде проглядывала седина, а глаза... глаза были глазами человека, который привык смотреть в бездну и не моргать.

Он остановился у подножия лестницы. Вокруг него словно образовался вакуум. Слуги замерли. Даже мадам Агнесса не посмела издать ни звука.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

И в этот миг я поняла, что всё, к чему я готовилась, было напрасно. Потому что он смотрел на меня как на незнакомку. Красивую, юную, статусную — но чужую. В его взгляде был холод профессионала, приехавшего к богатой пациентке, и тень раздражения на «капризную аристократку», которая заставила его мчаться через полстраны.

Он не узнал меня.

Боль была такой силы, что я на мгновение ослепла. Мир качнулся. Но я удержалась за перила. Я видела, как он сухо поклонился, не снимая перчаток, и услышал его голос — тот самый голос, который я слышала в своих лучших снах, но теперь он был чужим.

— Барон Генри фон Шталь к вашим услугам, маркиза д'Орсе. Где пациент?

Я стояла на три ступеньки выше него, глядя сверху вниз на

человека, который был моим миром. Моё сердце на зажиме. Но я не могла позволить ему соскользнуть. Только не сейчас.

— Мы ждали вас, барон, — ответила я, и мой голос, к моему удивлению, был ровным. — Идемте. Смерть не любит ждать, а мой муж сегодня особенно нетерпелив.

Я повернулась и начала подниматься обратно, чувствуя, как его тяжелый, изучающий взгляд сверлит мне спину. Игра началась. И теперь ставкой была не просто жизнь Филиппа, а сама наша душа.

Я вела его по коридору, пахнущему уксусом и полынью, и знала: очень скоро он поймет, почему в этом замке так пахнет. И почему у этой юной маркизы глаза женщины, которая знает о нем больше, чем он сам.

Глава 8

Тяжелые шаги Генри за моей спиной отдавались в камне коридоров гулким эхом. Каждый удар его кованого сапога словно забивал гвоздь в мое сердце. Я шла впереди, прямая, как натянутая струна, чувствуя его тяжелый, изучающий и бесконечно холодный взгляд, приглушенный ворсом моего бархатного платья.

Он не узнал меня. Это знание выжигало изнутри. Для него я была просто оболочкой, очередным препятствием между ним и пациентом.

Мы миновали портретную галерею. Факелы на стенах дрожали от сквозняка, отбрасывая на стены наши длинные, переплетающиеся тени. Я вела его в северное крыло, и в этой тишине отчетливо слышалось лишь поскрипывание его кожаной портупеи и тяжелое дыхание Ганса, несшего саквояж.

— Вы заставили слуг отмыть замок до блеска, маркиза, — его голос, раздавшийся за спиной, заставил меня вздрогнуть. — Укус. Я чувствую его повсюду. И полынь. Зачем это вам? Хотите изгнать демонов из своего мужа?

Я не обернулась. Я боялась, что если посмотрю на него сейчас, то не выдержу — сорвусь, брошусь на шею, закричу его настоящее имя.

— Демоны не боятся укуса, барон. А вот лихорадка и гниль — вполне, — ответила я, стараясь придать голосу ту

самую светскую холодность, которая была присуща Каталинабель. — Я подготовила для вас соляную залу. Там лучший свет.

— Соляную залу? — в его интонации проскользнуло удивление. — Обычно аристократы предпочитают, чтобы их лечили в душных спальнях за задернутыми шторами, среди молитв и ладана.

— Мы не в обычном доме, Генри, — я специально произнесла его имя, замедлив шаг. — Здесь ценят жизнь больше, чем традиции.

Я распахнула тяжелые двери залы. Внутри было светло. Десятки масляных ламп, усиленных моими зеркалами-рефлекторами, заливали помещение почти хирургическим, ровным светом. Столы, накрытые кипяченым льном, пустая комната без единого ковра — это была моя версия его операционной в этом диком мире.

Генри вошел и замер. Я видела, как он медленно обвел взглядом помещение. Его ноздри раздулись. Он подошел к столу, провел пальцем по выскобленному дереву и обернулся ко мне.

В его взгляде теперь не было безразличия. В нем было острое, режущее подозрение. Он смотрел на меня так, словно пытался вскрыть мою черепную коробку и прочитать мысли.

— Кто научил вас этому? — он сделал шаг ко мне, вторгаясь в мое личное пространство. — Эти зеркала... этот свет...

И это.

Он указал на таз с уксусным раствором.

— Я много наблюдаю, барон, — я выдержала его взгляд.
— И я не люблю, когда в моем доме умирают люди только потому, что их лекари не моют рук.

— Ваши лекари — идиоты, маркиза, — отрезал он, и в его глазах снова захлопнулась стальная дверь. — Но ваша осведомленность... она настораживает. Ганс, инструменты!

Он сорвал с себя дорожный плащ, швырнув его на руки помощнику, и остался в одной рубашке с засученными рукавами. Я невольно засмотрелась на его предплечья. Мышцы перекачивались под кожей, загорелой и покрытой мелкими шрамами от кузнечных искр. Это был мой муж — и в то же время совершенно чужой мужчина. Жесткий, выжженный изнутри одиночеством. Его аура была похожа на колючую проволоку.

— Пациента сюда, — скомандовал он, не глядя на меня.
— И велите всем выйти. Мне не нужны зрители.

— Я останусь, — сказала я, делая шаг к столу.

Генри резко обернулся. Его лицо было в паре сантиметров от моего. Я чувствовала запах его усталости, коня и того самого дорожного ветра.

— Маркиза, я не лечу заговорами. Будет много крови. Вид вашего мужа, чью грудь я собираюсь проколоть иглой, — не то, что должна видеть молодая дама. Вы упадете в обморок через минуту, и мне придется тратить время на вас. Выйди-

те.

— Я не упаду в обморок, Генри, — я не отступила ни на дюйм. — И я не «дама», которой нужно нюхать соли. Я распорядительница здоровья маркиза д'Орсе. И если вы планируете пункцию, вам понадобится кто-то, кто сможет держать зеркало и подавать инструменты. Ваш Ганс хорош в кузнице, но у него слишком тяжелые руки для этого.

Генри замер. Слово «пункция» повисло в воздухе, как заряженная пуля. Его зрачки расширились, став почти черными. Он смотрел на меня так, будто я только что заговорила на языке пришельцев.

— Откуда... откуда ты знаешь это слово? — прошептал он, и в этом шепоте было больше угрозы, чем в его крике.

— Я знаю много слов, барон фон Шталь. И я знаю, что у моего мужа отек легких. Если вы не выкачаете жидкость из плевральной полости прямо сейчас, он не доживет до расцвета.

В этот момент слуги внесли носилки с Филиппом. Маркиз был синюшным, его дыхание напоминало клокотание воды в котле. Это прервало нашу дуэль. Генри мгновенно переключился. Профессионал победил в нем ошарашенного мужчину.

— На стол! — рявкнул он.

Он работал молча, быстро, с той самой экономностью движений, которой я всегда восхищалась. Но я видела, как ему мешает Ганс. Помощник, при всей своей преданности, был

неуклюж. Он загоразживал свет, он не понимал, что такое «стерильная зона», он подавал инструменты медленно.

Я подошла к столу с другой стороны. Не спрашивая разрешения, я взяла зеркало-рефлектор.

— Ганс, подвинься, — негромко, но властно сказала я. — Держи пациента за плечи. Я буду работать со светом.

Генри бросил на меня один-единственный взгляд. В нем была ярость, смешанная с невольным уважением. Он не стал спорить. Времени не было.

Он взял длинную, тонкую иглу — свое очередное изобретение. Филипп хрипел, его глаза закатились.

— Держи зеркало выше, — бросил Генри, склоняясь над телом. — Левее. Вот так.

Я направила луч света точно в межреберье. Мои руки не дрожали. Я знала эту процедуру до миллиметра. Я видела, как Генри нащупал точку прокола. Он медленно ввел иглу.

В какой-то момент игла уперлась в ребро. Генри чертыхнулся сквозь зубы.

— Наклони его чуть вперед, Ганс! — крикнул он.

— Нет, — вмешалась я. — Не вперед. Поднимите его левую руку и заведите за голову. Так межреберный промежуток раскроется шире.

Генри замер. Он поднял голову и посмотрел на меня. В его взгляде была такая концентрация боли и подозрения, что мне стало физически холодно. Он медленно, словно подчиняясь гипнозу, выполнил мой совет. Игла вошла как в мас-

ло. Мутная жидкость начала медленно вытекать в подставленный таз. Дыхание Филиппа стало чуть ровнее.

Генри закончил. Он вытащил иглу, прижал место прокола чистым льном. Его руки, испачканные в крови, подрагивали. Он выпрямился и медленно перевел взгляд на меня.

В комнате было очень тихо. Только хрипы Филиппа и тяжелое дыхание Ганса.

— Ты не маркиза, — выдохнул Генри, и в его голосе я услышала ту самую хрипотцу, которая всегда появлялась у него после сложной операции. — Ты не можешь быть ею.

— Я — хозяйка этого замка, Генри. И я та, кто вызвала вас сюда.

— Откуда ты знаешь анатомию? Откуда ты знаешь, как подавать свет? — он сделал шаг ко мне, игнорируя кровь на своих руках. — Пять лет я живу в этом аду один. Пять лет я не слышал ни одного разумного слова. А теперь являешься ты — молодая, красивая кукла со знаниями профессора медицины. Кто ты такая?!

Я видела, как в его ауре стальная броня начала давать трещины. Сквозь них пробивался дикий, отчаянный свет надежды, который он сам в себе душил.

— Я — ассистент, барон, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — И если вы закончили с пункцией, у маркиза еще остается проблема с давлением. У вас есть дигиталис? В правильной дозировке?

Генри отшатнулся, словно я ударила его. Он схватил меня

за предплечье. Его хватка была железной.

— Ты... ты играешь со мной? — прошипел он. — Ты хочешь, чтобы я сошел с ума? Откуда в твоей голове эти термины? Откуда ты знаешь про дигиталис?

— Я знаю больше, чем вы думаете, Прош, — прошептала я, и при этом имени его лицо исказилось так, словно я полоснула его ножом.

Он не узнал мое лицо. Пять лет и новое тело Каталинабель стояли между нами. Для него я была чужой женщиной, которая каким-то чудом владела его секретами. И это было хуже всего. Моя победа — то, что он здесь, — обернулась моим поражением.

Я увидела в его глазах не любовь, а страх и подозрение. Для него я была не женой. Я была монстром, надевшим красивую маску.

— Не называй меня так, — выдохнул он. — Никогда. Больше.

Он отпустил мою руку и резко отвернулся.

— Ганс, убери здесь всё. Пациента в постель. А вы, маркиза...

Он замолчал, глядя на свои окровавленные руки.

— Идите к себе. Я позову вас, если... если он начнет умирать снова. Я не знаю, какую игру вы ведете, но я её закончу.

Я смотрела на его прямую, напряженную спину. Он не

узнал меня. Он оттолкнул меня. Но я видела, как дрожат его пальцы, когда он собирает инструменты.

— Как вам угодно, барон фон Шталь, — сказала я, глотая горький ком в горле. — Но помните: в этом замке у вас нет другого союзника, кроме меня. Даже если вы сами в это не верите.

Я развернулась и вышла из залы, чувствуя, как по щеке катится первая горячая слеза. Началась самая сложная часть моего пути. Я должна была снова завоевать собственного мужа. И на этот раз у меня не было двадцати лет в запасе. У меня были лишь считанные дни, пока Филипп не придет в себя или не умрет окончательно.

Я шла по темному коридору, а в голове звучал его голос: «Ты не можешь быть ею».

«Я — это я, Генри, — думала я. — И я заставлю тебя это признать. Даже если мне придется снова умереть в твоих руках».

Глава 9(/Прохор/Генри)

Вода в медном тазу была ледяной и пахла уксусом. Я методично оттирал руки, глядя на свои покрасневшие пальцы. Они дрожали. Впервые за пять лет в этом проклятом мире, где я выживал лишь благодаря своей холодности и скальпелю, мои руки меня предали.

— Барон? — Ганс стоял у дверей соляной залы, переминаясь с ноги на ногу. Он выглядел так, словно только что увидел, как покойник встал и попросил эля. — Вы... вы закончили? Маркиза велела подать вам ужин в малую гостиную.

— Уйди, Ганс, — бросил я, не оборачиваясь. — Унеси тазы. И проследи, чтобы инструменты прокипятят еще раз. Долго.

Помощник молча собрал вещи и вышел, пятясь. Ганс был хорошим парнем, преданным как пес, но сейчас его присутствие душило меня. Мне нужно было остаться одному в этой стерильной, вычищенной до блеска зале, которая так пугающе напоминала мою прошлую жизнь.

«Аритмия — это не приговор... Cor meum».

Слова из письма жгли мой мозг. А потом — её голос. Там, у операционного стола. Она назвала меня «Прош».

Это имя не принадлежало барону Генри фон Шталю. Оно принадлежало Прохору Ивановичу, кардиохирургу из дру-

гой реальности, который пять лет назад потерял всё в синем мареве аварии.

Я подошел к столу, на котором еще сохранились следы недавней манипуляции. Зеркала-рефлекторы, расставленные этой девчонкой, всё еще поблескивали в свете догорающих ламп.

— Кто ты такая? — прошептал я в пустоту, и мой голос сорвался, превратившись в хрип. — Кто ты, черт тебя дерит?

Мой рациональный ум хирурга, привыкший раскладывать мир на органы и системы, лихорадочно искал объяснение. Шпионаж? Маркиз Филипп — старый, подозрительный параноик. Мог ли он найти кого-то из «наших», другого попаданца, который знал меня в Москве? Мог ли он выпытать у него мои секреты, мою латынь, мои домашние имена, а потом обучить эту золотоголовую куклу, чтобы она манипулировала мной?

Но техника... Техника пункции. То, как она подсказала поднять руку пациента. Это нельзя выучить по бумажке. Это — мышечная память. Это — сотни часов в операционной, где ты чувствуешь локоть ведущего хирурга и знаешь, какой угол наклона нужен для иглы, прежде чем он сам это поймет.

Я стиснул зубы так, что в челюсти что-то хрустнуло.

«Нет. Кларе было сорок пять. Она не была этой юной маркизой с кожей цвета сливок. Моя Клара... она была земной. Мудрой. С морщинками у глаз, которые я обожал целовать».

Я вспомнил, как она смеялась. И как она плакала, когда мы открывали нашу клинику.

Эта Каталинабель... она была слишком совершенна. Слишком молода. Слишком красива. Она была похожа на модель с обложки журнала, а не на женщину, прожившую со мной двадцать лет.

— Галлюцинация, — выдохнул я, прижимая ладони к вискам. — Посттравматический психоз. Пять лет одиночества наконец-то добились мой мозг.

Я вышел из зала. Коридоры замка д'Орсе казались мне бесконечными. Запах полыни преследовал меня. Я знал, что это она велела добавить её в воду для мытья полов. Она знала, что я люблю этот запах.

Откуда, черт возьми, она всё это знает?

Я направился в спальню маркиза. Мне нужно было провести контрольный осмотр после пункции, но на самом деле я просто искал повод увидеть её снова. Проверить свою теорию о безумии.

Дверь в покои Филиппа была приоткрыта. Я остановился в тени коридора.

В комнате горела всего одна лампа, затененная листом пергамента. Филипп спал — его дыхание было тяжелым, но уже не клопочущим. А у его постели, в глубоком кресле, сидела Каталина.

Она не заметила моего появления. Она сидела, подавшись вперед, и её золотые волосы тяжелым шелком рассыпались

по спинке кресла. Она держала руку маркиза в своих ладонях.

Я замер, наблюдая. Она не просто держала его за руку. Она проверяла пульс. Но не так, как это делали местные лекари, щупая запястье. Она приложила два пальца — указательный и средний — к его сонной артерии на шее. Движение было машинальным, отточенным до автоматизма. Глаза её были полужакрыты, губы беззвучно шевелились, отсчитывая ритм.

— Тише, тише... — шепнула она, и в её голосе я услышал ту самую интонацию, которую Клара использовала в реанимации, когда разговаривала с пациентами после наркоза. — Сердце знает дорогу. Просто дыши. Мы держим ритм.

Меня обдало жаром. Этот шепот. Эти слова.

«Мы держим ритм».

Я сделал шаг из тени. Каталина вздрогнула и обернулась. На её лице промелькнула гамма чувств — от испуга до щемящей, невыносимой нежности, которая тут же спряталась за маской вежливой сдержанности.

— Барон, — она быстро встала, поправляя платье. — Вы не спите? Маркизу стало лучше. Хрипы ушли.

— Я пришел сменить повязку, маркиза, — ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как кусок гранита. — И провести аускультацию. Прошу вас, не мешайте.

Я подошел к кровати, подчеркнуто игнорируя её присут-

ствие. Моя аура — тот самый стальной купол, который я выстраивал пять лет — сейчас трещала по швам. Я чувствовал её тепло рядом. Запах полыни и лаванды исходил от её кожи, забывая все остальные запахи.

Я достал свой деревянный стетоскоп. Мне нужно было послушать легкие Филиппа, но я едва слышал что-то за грохотом собственного сердца.

— Ганс! — окликнул я, не оборачиваясь. — Мне нужен свет.

Ганса не было рядом. Но рука Каталины уже подняла лампу. Она направила луч точно на грудь маркиза, туда, где белела повязка. Свет не дрожал. Она держала лампу так, чтобы тень от моей головы не падала на рабочее поле.

Я потянулся к столику за пинцетом, чтобы снять старый лен. Мои пальцы коснулись пустоты — я не глядя промахнулся мимо инструмента.

И тут же в мою раскрытую ладонь лег пинцет.

Не просто лег. Она подала его коротким, четким ударом в ладонь, чтобы бранши инструмента сразу оказались под моими пальцами.

Это был «удар ассистента». Высший пилотаж операционной сестры.

В Москве мы могли оперировать с Кларой часами, не произнося ни слова. Она знала, что мне нужно, по малейшему

движению моего плеча. Она вкладывала инструменты в мою руку так, что я чувствовал себя многоруким божеством.

Я замер. Пинцет в моей руке казался раскаленным.

— Кто... — начал я, но голос подвел меня.

— Продолжайте, барон, — тихо сказала она. — У края раны небольшое пропитывание. Нужно обработать края.

Она знала. Она видела проблему раньше, чем я успел её осознать.

Я начал менять повязку. Мои движения были резкими, почти грубыми. Я злился на неё, на себя, на этот мир. В какой-то момент свет упал неудачно, и я не увидел глубину канала прокола.

— Проклятье, — прорычал я. — Ничего не видно в этой копоти.

Каталина не ответила. Она отошла к стене, взяла одно из зеркал-рефлекторов и вернулась. Она повернула его под странным, на первый взгляд невозможным углом, поймав свет от дальней свечи и направив его отражение от белой стены прямо в полость раны.

В моей голове словно взорвалась граната.

2015 год. Ноябрь. В клинике вырубило свет из-за аварии на подстанции. У меня на столе — пациент с ранением перикарда. Клара так же взяла зеркало из ванной и направила свет от автомобильного фонарика, который держал охранник, именно под таким углом. Это был её прием. Её маленькая хитрость.

Я медленно выпрямился. Повязка была закончена, но мне было плевать на Филиппа.

Я смотрел на неё через зеркало, которое она всё ещё держала. В отражении наши взгляды встретились.

Каталинабель... Каталина... Клара?

Она закусила нижнюю губу. Чуть-чуть, с левой стороны. Её старая привычка, когда она волновалась или когда операция шла не по плану. Она всегда так делала — ещё с университетской скамьи.

В комнате повисла такая тишина, что я слышал, как кровь шумит в моих ушах. Запах пыли стал удушающим.

— Хватит, — выдохнул я.

Я разжал пальцы. Инструмент — мой любимый стальной пинцет — со звоном упал на каменный пол. Звук был как выстрел в тишине склепа.

Я шагнул к ней, сокращая расстояние до нуля. Я схватил её за плечи, почти встряхивая. Мои пальцы впились в дорогой бархат её платья, под которым я чувствовал живое, теплое и пугающе молодое тело.

— Откуда ты знаешь, как держать зажим, девочка? — мой голос был похож на рычание раненого зверя. — Откуда ты знаешь про зеркала? Про дигиталис? Про «аритмию»?

Она не отстранилась. Она не испугалась. Напротив, она словно подалась навстречу моей ярости. Её глаза, огромные и карие, наполнились слезами, но она не дала им упасть.

— Ты знаешь ответ, Генри, — прошептала она. — Ты знал

его в ту секунду, когда услышал рог у ворот.

— Нет! — я почти крикнул это, встряхивая её сильнее.
— Моя жена погибла! Я видел, как машина превратилась в груды металлолома! Я видел синюю воронку! Тебе двадцать пять лет! Ты — маркиза д'Орсе! Ты — плод моего большого воображения!

Я видел её ауру. Сейчас она не была зеркальным щитом. Она пылала нежно-золотым светом, тем самым, который я видел во сне все эти пять лет.

— Прощ... — она коснулась моей щеки ладонью. — Посмотри на меня. Не на лицо. Посмотри на меня.

Её рука была теплой. И пахла полынью.

— В тот день... перед аварией... — её голос дрожал. — Ты сказал, что мы купим тот дом в Подмосковье, с большой верандой. Чтобы Семён мог привозить друзей. И что ты наконец-то научишься ловить рыбу.

Я замер. Мое дыхание остановилось. О покупке дома мы говорили только вдвоем. Утром. За завтраком. За два часа до того, как мир разлетелся на куски. Мы никому об этом не говорили. Даже сыну. Мы хотели сделать ему сюрприз.

— Это... это невозможно, — я медленно разжал пальцы. Мои руки упали вдоль тела. — Это просто невозможно.

Я смотрел на неё, и словно пелена спадала с моих глаз. За юным, безупречным лицом я начинал видеть ту самую душу. Тот самый поворот головы. Ту самую манеру смотреть прямо в суть вещей.

— Клара? — мой голос был едва слышным.

Она наконец-то позволила слезам скатиться по щекам. Она кивнула, не в силах произнести ни слова.

— Как? — я снова схватил её, но на этот раз бережно, словно она была сделана из тончайшего хрусталя. — Как это случилось? Почему ты такая... молодая?

— Я не знаю, Генри, — она прижалась лбом к моему плечу, и я почувствовал, как её тело сотрясает рыдание. — Я очнулась здесь всего несколько дней назад. После пяти лет в психиатрической клинике. Они думали, что я сумасшедшая. Они лечили меня от правды.

Я обнял её. По-настоящему. Впервые за пять лет я прижал к себе свою женщину. Плевать на маркиза, плевать на Эдельгард, на Орден Чистоты и на всё остальное. Мир вокруг нас перестал существовать. Был только запах полыни и биение двух сердец, которые наконец-то вошли в резонанс.

— Пять лет... — прошептал я, зарываясь лицом в её волосы. — Господи, Клара... я искал тебя. Я каждый день спрашивал у Бога, почему он оставил меня одного в этом аду.

— Ты не один, — она подняла голову, вытирая слезы. — Мы здесь. Но Генри.... Семён.

Я застыл. Имя сына подействовало как ушат ледяной воды.

— Он здесь, Клара. Я знаю это. Я чувствую.

Я отстранился, глядя на неё уже глазами хирурга, который осознал масштаб предстоящей работы.

— Бродяга с татуировкой нашей клиники... — быстро заговорил я. — Он привез весть. Есть «пророк» на севере. В монастыре. Его зовут Томас. Я должен был ехать туда, но получил твое письмо.

Клара схватила меня за руки. Её глаза расширились.

— Томас? Наш Семён — пророк в монастыре?

— Мы найдем его, — я сжал её пальцы. — Теперь, когда мы вместе, мы вывернем этот мир наизнанку. Но сначала...

Я обернулся к спящему маркизу.

— Нам нужно закончить здесь. Филипп д'Орсе — наш единственный легальный щит. Если он умрет сейчас, тебя запрут в монастыре как вдову, а меня сожгут за колдовство.

Клара выпрямилась. Её взгляд снова стал профессиональным. Она вытерла лицо краем рукава и кивнула.

— Он будет жить, Генри. Мы его починим.

Я посмотрел на неё — на эту юную красавицу с душой моей старой доброй Клары. И впервые за пять лет я почувствовал, что я не просто выживаю. Я снова живу.

Я поднял с пола пинцет, вытер его чистым полотном и протянул ей.

— Держи зажим, Клара. Начинаем второй этап.

Она приняла инструмент — четким, знакомым движением.

— Я держу, Генри. Всегда держала.

В ту ночь в замке д'Орсе, под прицелом зеркал и в тени

смерти, началась наша новая история. История семьи, которая оказалась сильнее времени и пространства. И я знал: теперь нас ничто не остановит. Никакие стены, никакие орденны и никакие маркизы.

Потому что аритмия закончилась. Наше сердце снова билось в один такт.

Глава 10

Его руки на моих плечах ощущались как раскаленные тиски. Тяжелые, пахнущие железом, дождем и той самой колючей полынью, которую я сама выбрала для его встречи. Я замерла, боясь даже вздохнуть, боясь, что этот миг — лишь очередной химический морок, порожденный капельницами в моей прошлой жизни.

Но это была не галлюцинация. Галлюцинации не умеют так отчаянно и прерывисто дышать в изгиб шеи. Галлюцинации не обладают таким бешеным, сбивающимся ритмом сердца, который я чувствовала даже сквозь слои своего бархатного платья.

— Клара... — выдохнул он в мои волосы. — Это правда ты. Господи, это действительно ты.

Генри — нет, мой Прохор — отстранился всего на несколько сантиметров, чтобы заглянуть мне в лицо. Его пальцы, привыкшие к точности скальпеля, теперь дрожали, обводя контур моих скул, подбородка, губ. Он не просто смотрел — он проводил диагностику реальности. Его зрачки, расширенные до предела, пытались найти в чертах юной Каталинабель ту самую женщину, которую он любил двадцать лет.

— У тебя... — он запнулся, голос сорвался на хрип. — У тебя другой взгляд. Те же искорки, та же глубина, но в них...

пять лет боли, которую я не могу объяснить.

Я накрыла его ладонь своей. Мои маленькие пальцы утонули в его широкой, мозолистой руке.

— Пять лет в психиатрической клинике, Прош, — прошептала я, и слезы, которые я так долго сдерживала, наконец обожгли щеки. — Пять лет, в течение которых меня убеждали, что ты и Семён сгорели в той машине. Что синяя воронка — это плод моего воображения. Что я должна «вылечиться» и забыть вас обоих.

Его лицо исказилось. Стальной барон фон Шталь на мгновение исчез, и передо мной снова был мой муж — человек, который не выносил чужого страдания. В его глазах вспыхнула такая концентрированная ярость, что воздух в комнате словно наэлектризовался.

— Они тебя заперли? — его голос стал опасно тихим. — Пока я здесь строил этот проклятый замок, пока я ковал эти чертовы железки и пытался не сойти с ума от тишины... тебя держали в клетке?

— Меня накачивали препаратами за то, что я называла твое имя, — я прижалась лбом к его груди, слушая, как гулко бахает его сердце. — Каждый раз, когда я говорила, что чувствую — ты жив, мне увеличивали дозу. Я выжила только потому, что научилась врать. Я имитировала «выздоровление», чтобы они оставили меня в покое.

Прохор издал глухой, животный звук — не то стон, не то рычание. Он снова обнял меня, так крепко, что захрустели

ребра, пряча лицо в моих волосах.

— Прости меня, — шептал он. — Прости, что не нашел способа вытащить тебя раньше. Я очнулся в этом теле через неделю после аварии. Барон Генри был бабником, транжирой и редкостным мерзавцем, который свернул шею, свалившись с лошади в пьяном угаре. Я пришел в себя в гробу. Буквально. Слуги уже собирались заколачивать крышку, когда я начал колотить в неё изнутри.

Я нервно хихикнула, представив эту картину. В этом была вся суть Прохора — он бы и из преисподней выбрался, если бы у него был план операции.

— Пять лет я жил как робот, Клара. Я лечил их всех — от королей до нищих — только чтобы руки не забыли, как держать зажим. Я создал этот образ «Мясника», чтобы ко мне не лезли в душу. Я был уверен, что я один. Что та воронка была односторонним билетом.

— Она не была односторонней, — я отстранилась и вытерла лицо краем рукава. — Семён. Я чувствую, Генри, он здесь.

Прохор мгновенно переключился. Эмоции спрятались за профессиональную маску хирурга, но в глубине глаз зажегся огонь, который я знала слишком хорошо.

— Тот бродяга с татуировкой нашей клиники... — быстро заговорил он. — Он бредил о «Пророке Севера». О юноше в монастыре Святого Луки, который умеет очищать воду и лечить лихорадку чистыми руками. Его зовут Томас. Он попал

туда пять лет назад, Клара. Почти одновременно со мной.

— Монастырь Святого Луки — это не просто обитель, — я вспомнила то, что слышала от Марты и Агнессы. — Это крепость Ордена Чистоты. Если они считают его «пророком», значит, они используют его знания. Он для них — живой артефакт. Наш сын в плену, Прош. У фанатиков.

Проход сжал кулаки.

— Теперь всё по-другому. Мы найдем его. Мы вытащим его оттуда, даже если мне придется прооперировать самого Великого Инквизитора без анестезии. Но сейчас...

Он обернулся к кровати, где неподвижно лежал Филипп. Спящий маркиз выглядел в полумраке как восковая фигура.

— Расскажи мне про него, — потребовал Проход. — Что это за история с «даром»? И почему этот старик выглядит так, словно из него выкачали всю кровь?

Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Рассказывать мужу-материалисту о мистике было сложно, но здесь это было реальностью.

— Маркиз Филипп — энергетический паразит, Прош. В этом мире это называют «алхимией жизни». Он женился на Каталинабель, потому что у неё был дар — способность отдавать жизненную силу. Он буквально питался ею. Именно поэтому она была такой... прозрачной, вечно больной и тихой. Когда я очнулась в её теле, я просто выставила щит. Я перестала быть его «батарежкой».

Прохор подошел к Филиппу, бесцеремонно приподнял веко спящего и посветил лампой.

— Значит, его приступ — это результат «голодовки»? — он хмыкнул, и в этом звуке было больше научного интереса, чем жалости. — Потрясающе. Психосоматика в терминальной стадии, подкреплённая магическим донорством. Но Клара, он нам нужен.

— Я знаю, — я подошла к нему и встала рядом. — Он — наш единственный законный щит. Если он умрет, я стану вдовой. А в Эдельгарде вдовы без сыновей либо уходят в монастырь, либо их выдает замуж король за того, кто ему выгоден. Меня заберут у тебя прежде, чем мы успеем покинуть эти земли.

Внезапно мой дар, словно обожженный холодом, послал сигнал тревоги. Липкая, серая аура, похожая на щупальца спрута, коснулась границ моего восприятия.

— Тише, — я прижала палец к его губам. — За дверью кто-то есть.

Прохор мгновенно изменился. Он выпрямился, его лицо окаменело, а взгляд стал тем самым свинцовым взглядом барона фон Шталя. Он отступил от меня на три шага, становясь за стол с инструментами.

Я успела лишь поправить волосы и сесть в кресло, приняв позу глубоко обеспокоенной жены, когда в коридоре едва слышно скрипнула половица. Агнесса. Она не могла не проверить, чем занимается «Барон-Мясник» наедине с мо-

лодой маркизой.

— Вы закончили осмотр, барон? — громко спросила я, и мой голос прозвучал ровно, со светской прохладцей. — Состояние моего мужа позволяет надеяться на лучшее?

Проход гремел инструментами, складывая их в саквояж. Его голос донёсся из угла комнаты — сухой и профессиональный:

— Состояние маркиза критическое, но стабильное, маркиза. Я провёл необходимую манипуляцию. Теперь всё зависит от ухода. И от того, насколько точно вы будете следовать моим инструкциям.

Дверь приоткрылась на пару сантиметров, и я увидела в щели кончик серого чепца экономки.

— Мадам Агнесса? — я обернулась к двери, приподняв бровь. — Вы принесли свежие полотенца, о которых я просила?

Экономка вошла в комнату, стараясь не смотреть на барона. Её аура дрожала от любопытства и страха.

— Да, госпожа... Я просто хотела узнать, не нужно ли чего господину лекарю.

— Господину лекарю нужен отдых, — отрезал Проход, не оборачиваясь. — И горячий отвар полыни в мои покои. Я закончил на сегодня. Завтра утром мы приступим к более детальному лечению. Маркиза, я оставлю вам список трав,

которые нужно подготовить.

Я кивнула, играя свою роль до конца.

— Благодарю вас, барон. Агнесса, проводите барона в северное крыло. И проследите, чтобы его людям подали ужин.

Проходив мимо меня, он на мгновение задержал взгляд на моих глазах. В этом взгляде было всё: обещание, нежность, план действий и немой призыв держаться. Никто из посторонних не увидел бы в этом ничего, кроме сухой вежливости, но для меня это было равносильно клятве в любви.

— Доброй ночи, маркиза, — произнес он, слегка склонив голову.

— Доброй ночи, барон фон Шталь.

Когда дверь за ними закрылась, я наконец выдохнула, чувствуя, как мелко дрожат колени. Я осталась одна в спальне с маркизом. Тишина в комнате стала давящей.

Я подошла к окну. Дождь закончился, и сквозь тучи проглянула холодная, острая луна. «Мы вместе, — думала я, прижимая ладонь к стеклу. — Теперь мы действительно вместе».

Внезапно со стороны кровати донесся шорох.

Я обернулась.

Филипп д'Орсе лежал с открытыми глазами. В тусклом свете лампы его взгляд казался пугающе ясным. В нем не было и тени недавнего бреда или слабости.

— Вы закончили свои... секреты, Каталина? — прохрипел он. Его голос был слабым, но в нем отчетливо слышалась ядовитая насмешка. — «Прош»... Какое странное имя для барона. И какой странный взгляд у «лучшего хирурга», когда он смотрит на мою жену.

Мое сердце пропустило удар. Холодная волна ужаса окатила меня с ног до головы.

Он слышал.

Филипп медленно приподнялся на локтях, его аура, до этого едва тлевшая, внезапно вспыхнула грязно-красным, хищным цветом.

— Ты думала, я совсем выжил из ума? — он криво усмехнулся, и на его губах выступила розовая пена. — Я чувствую твою связь с ним, Каталина. Она вибрирует в воздухе так сильно, что у меня болят зубы. Вы знакомы. И вы не просто знакомы.

Я сделала шаг к кровати, пытаюсь вернуть себе самообладание. Мой разум лихорадочно ищет выход. Смерть в его глазах боролась с жадой власти.

— Вам приснился кошмар, Филипп, — сказала я, и мой голос был твердым, как лед. — Ложитесь. У вас был тяжелый приступ.

— Не смей со мной так разговаривать, — он перехватил мою руку, и его пальцы оказались неожиданно сильными. — Если я узнаю, что за игру вы ведете... если этот барон —

твой любовник из прошлой жизни... я не просто убью вас. Я отдам вас Ордену Чистоты. Они любят таких, как вы. Тех, кто «возвращается».

Он смотрел на меня, и я поняла: он не просто подозревает. Он чувствует нашу инаковость своей извращенной алхимической интуицией. Мы для него — не люди. Мы — аномалии, которыми он мечтает завладеть.

— Спите, Филипп, — я надавила ему на плечо, используя свой дар, чтобы погрузить его в сон. — Вам это нужно.

Он попытался что-то возразить, но его глаза затуманились, и он бессильно откинулся на подушки. Моя сила на этот раз была грубой, почти насильственной. Я не имела права рисковать.

Я стояла над ним, тяжело дыша.

План «тихого исцеления» только что сгорел. У нас не было недель. Возможно, у нас не было даже дней.

— Прохор, — прошептала я в пустоту комнаты. — Нам нужно спешить. Потому что старый паук начал плести свою последнюю паутину.

За окном снова завыл ветер, и мне показалось, что где-то далеко, на севере, ему отозвался колокольный звон монастыря Святого Луки. Наш сын ждал нас. И теперь цена нашего промедления стала смертельной.

Глава 11(Прохор/Генри)

Дверь моих покоев захлопнулась, отсекая тяжелый, пропитанный болезнью воздух коридоров маркиза д'Орсе. Я не стал зажигать светильник. Просто стоял в темноте, прислонившись лбом к холодной каменной стене, и слушал, как в ушах грохочет кровь.

Пять лет я тренировал свой разум быть стальным сейфом. Я вытравил из себя Прохора Ивановича — человека, который любил, смеялся и планировал старость в доме с верандой. Я стал Генри фон Шталем, Бароном-Мясником, который верит только в то, что можно потрогать пальцами или разрезать ланцетом. А сегодня... сегодня мой сейф вскрыли ржавым консервным ножом.

Руки мелко дрожали. Я сцепил их в замок, сжимая так, что хрустнули суставы.

«Это бред. Массовая галлюцинация. Индуктивный психоз», — мой внутренний медик лихорадочно перебирал диагнозы.

Двадцать пять лет. Ей на вид не больше двадцати пяти. Золотые волосы, безупречная кожа, тонкие запястья. Эта девочка никак не могла быть моей Кларой, которой в день нашей последней поездки исполнилось сорок пять. Но этот «удар ассистента»... то, как она вложила пинцет в мою руку...

В дверь тихо, почти невесомо постучали. Три коротких удара, один длинный.

Мой пульс подскочил до критической отметки. Я не ответил, но рука сама потянулась к тяжелому засову. Железо лязгнуло в тишине.

Она проскользнула внутрь, как тень, пахнущая ночной прохладой и той самой полынью, которую я теперь ненавижу и обожаю одновременно. Она не зажгла свет. В тусклом сиянии луны, пробивавшемся сквозь узкое окно, она казалась призраком.

— Генри... — прошептала она.

— Нет, — я отступил на шаг, выставляя перед собой ладонь, словно щит. — Не подходи. Стой там.

Я чувствовал, как внутри меня закипает ярость — защитная реакция на страх сойти с ума.

— Кто ты? Чья ты подосланная тварь? Маркиз нашел другого «пришельца» и выпытал у него подробности моей жизни? Он решил сломать меня через образ жены? — я наступал на неё, загоняя к стене. — Говори! Откуда ты знаешь про «*Cog meum*»? Откуда знаешь, как я держу скальпель?

Она не испугалась. Даже не вздрогнула. В лунном свете её глаза казались бездонными озерами, полными вековой усталости.

— Прощай, перестань, — тихо сказала она, и это домашнее имя полоснуло меня по сердцу. — Ты хирург. Ты привык искать патологию, когда сталкиваешься с чудом. Но это я.

Я — Клара. Та, что прятала твои сигареты в карманах старого пальто, когда ты пытался бросить. Та, что знала: если ты молчишь после смены больше часа — значит, ты потерял пациента на столе.

Я замер в полушаге от неё.

— Этого мало. Любой внимательный шпион мог разузнать такие детали.

— Хорошо, — она сделала шаг навстречу, её голос стал тверже. — Спрашивай. Спрашивай то, чего не знал никто, кроме нас двоих. Устрой мне допрос, доктор. Вскрой мою память.

Я смотрел на неё — на эту юную, пугающе прекрасную незнакомку — и чувствовал, как почва уходит из-под ног.

— Первое кесарево... — мой голос хрипел. — Когда родился Семён. Что произошло в операционной, прежде чем его достали?

Она горько усмехнулась.

— Ты не успел надеть бахилы. Ворвался в зал в уличных ботинках, распахивая акушеров, и кричал, что анестезиолог дает слишком глубокий наркоз. Тебя едва не вывели под конвоем. А потом ты сидел в коридоре и плакал, потому что тебе показалось, что он не закричал вовремя.

Я сглотнул ком в горле. Да, это было. Об этом позоре в больнице ходили легенды, но подробности про наркоз и мои

слезы знала только она.

— Дальше, — я закусил губу. — Моя первая неудача. Тот пациент в девяносто восьмом. Как его звали и что я сделал после того, как вышел из морга?

— Его звали Ивашов. Сорок два года, аневризма, — ответила она без колебаний. — Ты пришел домой в четыре утра, не раздеваясь, лег на пол в гостиной и пролежал так до полудня, глядя в потолок. Я не трогала тебя. Я просто положила подушку тебе под голову и сидела рядом. Ты тогда сказал, что больше никогда не возьмешь скальпель в руки.

Я закрыл глаза. Воспоминание ударило под дых. Я почти физически почувствовал холод того линолеума под спиной.

— Клара... — выдохнул я, и моё сопротивление начало рушиться, как карточный домик.

— Подожди, — она подошла еще ближе, почти касаясь моей груди. — Ты хочешь знать самое личное? То, о чем мы не говорили даже Семёну? За неделю до аварии. Вечер вторника. Мы сидели на веранде той дачи, которую хотели купить. О чем мы спорили, Генри?

Я вспомнил тот вечер. Запах жасмина, остывающий чай и наш глупый, смешной спор.

— О цвете штор в твоём кабинете, — прошептал я.

— Нет, — она покачала головой, и легкая улыбка тронула её губы. — Мы спорили о том, что ты хочешь завести лаборатора, а я говорила, что ты слишком занят, и гулять с ним придется мне. И ты пообещал, что ради этого будешь при-

ходить домой не позже восьми. Ты даже поклялся на своем атласе анатомии.

Тишина в комнате стала звенящей. Последний барьер внутри меня рухнул. Никакой шпион, никакой маркиз не мог знать про лабрадора и клятву на атласе. Это было наше. Только наше.

— Клара... — я потянулся к ней, и мои пальцы наконец коснулись её лица.

Кожа была живой. Теплой. Бархатистой. Это была не та Клара, которую я целовал в день нашей смерти, но это была она. Те же едва уловимые вибрации её ауры, тот же наклон головы, тот же взгляд, в котором я всегда находил спасение.

Я схватил её в объятия, сминая шелк её платья, вжимая её в себя так, словно хотел срастись с ней костями. Я зарылся лицом в её золотистые волосы, и на этот раз не сдержался — из груди вырвался глухой, надрывный стон. Пять лет одиночества, пять лет выжженной пустыни в душе... всё это хлынуло наружу.

— Я здесь, Прощ, — шептала она, обвивая мою шею руками. — Я здесь. Я нашла тебя.

Мы стояли в темноте, двое пришельцев из другого мира, два обломка цивилизации в этом холодном каменном мешке. Мое тело, молодое и полное сил тело барона Генри, отозвалось на близость Клары с пугающей мощью. Я чувствовал её хрупкость, её новую, сводящую с ума женственность, и в то же время осознавал, что за этим фасадом скрывается

мудрая, израненная женщина сорока пяти лет.

Этот диссонанс кружил голову. Я целовал её лоб, виски, щеки, боясь коснуться губ — это казалось чем-то запредельным, почти святотатством и в то же время высшей наградой.

— Как это возможно? — я наконец отстранился, удерживая её лицо в ладонях. — Почему ты такая молодая? Почему я... здесь уже пять лет, а ты только что?

— Время здесь течет по-другому, — Клара вздохнула, прислонившись спиной к моей груди, когда я обнял её сзади. — В клинике я провела пять лет. Для меня это был ад в реальном времени. А здесь... Маркиза Каталинабель была пустой сосудом. Больная девочка, которую Филипп использовал как донора. В тот день, когда её сердце остановилось, я вошла в неё. Словно пересадка органов, Генри. Только пересадили душу.

— Филипп... — я вспомнил лицо старика. — Он подонок, Клара. Я видел, как он смотрит на тебя. Он знает, что ты изменилась.

— Он знает больше, — она обернулась ко мне, её лицо стало серьезным. — Прощай, он слышал наш разговор в спальне. Твоё имя. То, как ты на меня смотрел. Он подозревает. Он не понимает, кто мы, но его интуиция чернокнижника вопит об опасности.

Я почувствовал, как внутри снова просыпается хирург. Холодный расчет.

— Значит, у нас мало времени. Мы не можем просто бежать — нас догонят через два часа. Нам нужно легализовать твой уход.

— Сначала Семён, — она вцепилась в мои руки. — Прохор, наш мальчик в монастыре. Я чувствую его холод. Ему плохо там.

— Мы найдем его, клянусь, — я поцеловал её в макушку. — Но для этого мне нужно «вылечить» маркиза так, чтобы он сам захотел отправить нас на север. Или чтобы его смерть не легла на нас обвинением в убийстве.

Клара подняла голову. Её глаза в лунном свете блеснули решимостью.

— У меня есть план, Генри. Филипп одержим бессмертием. Если мы предложим ему «операцию по омоложению», о которой он грезит...

— Это риск, — отрезал я. — Оперировать его в этих условиях — это безумие.

— Мы — безумная пара, ты забыл? — она слабо улыбнулась. — Кардиохирург и парапсихолог. Мы всегда работали там, где другие пасовали.

Я смотрел на неё — на свою жену в чужом, прекрасном теле — и понимал, что ради неё я готов снова стать Прохором. Человеком, который верит в невозможное.

Я притянул её к себе для долгого, настоящего поцелуя. В нем был вкус полыни, соли наших слез и обещание того, что

мы больше не потеряемся. Наши новые тела резонировали друг с другом, создавая ту самую искру, которая когда-то зазвучала в московском мединституте двадцать лет назад.

— *Cog meum*, — прошептал я в её губы.

— Навсегда, — ответила она.

В эту ночь в замке д'Орсе двое теней из будущего заключили союз, который должен был изменить историю Эдельгарда. Мы еще не знали, что маркиз Филипп уже отдал приказ своим шпионам, но в ту минуту нам было всё равно. Мы были вместе. А значит, аритмия этого мира наконец-то встретила своих врачей.

— Иди к себе, — я заставил себя отпустить её. — Если нас найдут здесь вместе, всё закончится, не успев начаться.

— До утра, доктор, — она коснулась моей ладони напоследок и скользнула к двери.

Я смотрел, как за ней закрывается тяжелое дерево, и чувствовал, что мой сейф больше не пуст. В нем снова было сердце. И на этот раз оно было заряжено на победу.

Глава 12

Утро в замке д'Орсе не принесло облегчения, оно лишь прочертило четкую границу между ночным безумием и ледяной реальностью. Я проснулась от резкого звука колокола, созывающего слуг на молитву. Солнце, холодное и бесстрастное, вытянуло свои длинные пальцы сквозь узкие окна, подсвечивая пылинки, танцующие в воздухе моей спальни.

Вчерашняя ночь казалась сном, если бы не саднящее чувство в груди и запах полыни, который, казалось, въелся в мою кожу. Прохор был здесь. Он был настоящим. Но осознание этого приносило не только радость, но и сосущий под ложечкой страх. М

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.